

Аванта
Мир Инженерии

Мир энциклопедий Аванта+
Астрель
Москва

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
И84

Иртенев, И. М.

И84 Марксистский переулоч / И. М. Иртенев. — М. :
Мир энциклопедий Аванта+, Астрель, 2010. — 192 с.

ISBN 978-5-98986-435-5 («Мир энциклопедий Аванта+»)

ISBN 978-5-271-31347-9 («Издательство Астрель»)

Игорь Иртенев — один из популярнейших современных отечественных поэтов. В его поэзии легкость и внешняя простота сочетаются с виртуозным мастерством и глубиной. Жаргонизмы, присущие, казалось бы, исключительно разговорной речи, газетные штампы, цитаты из классиков и обценная лексика, — из всего этого, как из стекляшек в калейдоскопе, складывается законченное полотно, отображающее нашу жизнь, и не вина автора, если картина эта не всегда радует глаз.

В новую книгу поэта вошли стихи, написанные за последние несколько лет.

УДК 821.161.1-1

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Литературно-художественное издание

Иртенев Игорь Моисеевич

МАРКСИСТСКИЙ ПЕРЕУЛОК

Заведующая редакцией *А. Голосовская*

Арт-директор *Е. Евлахович*

Ответственный редактор *М. Тонконогова*

Корректор *В. Черная*

Технический редактор *Г. Этманова*

Компьютерная верстка *М. Поликашкиной*

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.012280.10.09 от 20.10.2009 г.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Издание подготовлено при поддержке
ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ»

Подписано в печать 01.10.2010. Формат 84×90/32. Гарнитура Charter.

Усл. печ. л. 8,4. Тираж экз. Заказ № .

ООО «Мир энциклопедий Аванта+»
109004, Москва, Б. Факельный переулоч, д.3, стр. 2

ООО «Издательство «Астрель»
129085, Москва, проезд Ольминского, д.3а

Адрес фирменного магазина: Москва, ул. 1905 г., д.8
Магазин работает с 10.00 до 20.00 без выходных

Адрес в Интернете: www.avanta.ru

ISBN 978-5-98986-435-5 («Мир энциклопедий Аванта+»)

ISBN 978-5-271-31347-9 («Издательство Астрель»)

© И. Иртенев

© Мир энциклопедий Аванта+

* * *

ПОКАЗАТЬСЯ МОЖЕТ ПРИ ПЕРВОМ ВЗГЛЯДЕ,
ЧТО ПИШУ СТИХИ Я КОРЫСТИ РАДИ,
ИЗ ОДНОЙ ЛИШЬ ТОЛЬКО К НАЖИВЕ СТРАСТИ.
ЭТО ВЕРНО, КОНЕЧНО, НО ЛИШЬ ОТЧАСТИ.

ДЕНЕГ ТЕХ, ЧТО ЗА НИХ МНЕ СЕГОДНЯ ПЛАТЯТ,
НА ПАЛЬТО ЖЕНЕ ОДИН ЧЕРТ НЕ ХВАТИТ.
НЕ БЕДА, ПУСТЬ В СТАРОМ ПОКА ПОХОДИТ,
ЧЕМ ОБНОВКУ ТРЕПАТЬ ПО ТАКОЙ ПОГОДЕ.

КТО СЧИТАЕТ, ЧТО Я ИХ ПИШУ ДЛЯ СЛАВЫ,
ПОЛАГАЮ, ТОЖЕ НЕ СИЛЬНО ПРАВЫ.
ОНА ЕСТЬ СЕГОДНЯ, А ЗАВТРА НЕТУ —
НУ И СМЫСЛ ЗАВАРИВАТЬ КАШУ ЭТУ?

У КОГО-ТО МОЖЕТ ВОЗНИКНУТЬ ЧУВСТВО,
ЧТО ПИШУ Я ИХ ВО ИМЯ ИСКУССТВА.
НО МЕНЯ КОРЕЖИТ ПРИ ЭТОМ СЛОВЕ,
ТАК ЧТО ЧУВСТВО ЛОЖНО В САМОЙ ОСНОВЕ.

ЕСТЬ ЕЩЕ ПОДОЗРЕНИЯ, ПРИЧЕМ БОЛЬШИЕ,
ЧТО ПИШУ СТИХИ СВОИ ДЛЯ ДУШИ Я,
НО ПРИШЕЛ К УБЕЖДЕНИЮ УЖЕ ДАВНО Я,
ЧТО ДУША ЕСТЬ ПАР, И НИЧТО ИНОЕ.

ТАК ЧТО ДОЛЖЕН ВАМ ПРИЗНАТЬСЯ ОТКРЫТО,
ЧТО НЕ ЗНАЮ, ГДЕ ТУТ СОБАКА ЗАРЫТА,
НО, ПРИЗНАЮСЬ, СИЛЬНО МЕНЯ РАССТРОИТ,
ЕСЛИ КТО-ТО ЕЕ НЕВЗНАЧАЙ ОТРОЕТ.

* * *

День национального единства
Объявил мне нынче календарь,
Я с утра, как мог, принарядился
И махнул за завтраком стопарь.

Этот праздник надо с честью встретить,
Раз уж мне сегодня выпал он,
Я второй махнул, и тут же третий,
И четвертый вслед за ним вдогон.

Что ж я выпить не имею права
На свои законные шиши?
Подарила праздник мне держава,
Широко, по-русски, от души.

В этот день мы засадили ляху,
Нехристей погнали из Кремля,
Как его мне не отметить на х...
Как его не праздновать мне, б...

Чтоб смотреться в зеркало мне гордо,
Чтоб себя по праву уважать,
Хорошо б грузинам козью морду
Сотворить и азеров прижать.

Заодно с жидами разобраться,
Чтобы не мутили зря народ.
...В общем сами поняли вы, братцы,
В этот день делов невпроворот.

Ведь в России до хренища наций,
А стопарь — всегда он под рукой.
Если с каждой мне объединяться,
Печени не хватит никакой.

2006

А был бы он красив, как Аполлон,
Но греков мы не будем здесь касаться,
Романова едва ли б занял трон
(Заметим в скобках, тоже не красавца).

*А если это так, то что есть красота,
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота
Или огонь, мерцающий в сосуде?*

Поскольку я склоняюсь ко второму
И не намерен это отрицать,
Пускай другие бьются за корону,
А мне, боюсь, придется померцать.

2006

БАЛЛАДА ОБ ЭТИХ ДВУХ

Дымом затянув родные дали,
Лета уходящего в конце
Под Москвой пожары полыхали,
Сжав столицу в огненном кольце.

Никуда от злой беды не деться,
И с глазами полными тоски
Задыхались в том дыму младенцы,
Кашляли надсадно старики.

И стоял над древнею столицей
День и ночь надрывный бабий вой,
Раздирали в кровь мужчины лица
И об стенку бились головой.

Чуть видна была над Спасской башней
В сизой мгле багровая звезда,
Что казалось в детстве сказкой страшной,
Страшной явью сделалось тогда.

Уж четверка всадников скакала
К стенам града с четырех сторон,
И погибель людям предрекало
Карканье зловещее ворон.

Принесла бы в том ее году нам
Князя тьмы безжалостная рать,

Но решила, к счастью, Мосгордума
Срочно заседание собрать.

И постановили депутаты,
Чтоб беду от града отвести,
В жертву, как велось давно когда-то,
Отроков невинных принести.

Дабы стали отроки отмазкой
За больного общества грехи,
Сбросить двух несчастных с башни Спасской,
А потом слагать о них стихи.

Вялый спор недолго продолжался,
Все подняли дружно руки «за»,
Только Бунимович воздержался
И стыдливо опустил глаза.

...Хоть в столице отроков немало,
Но невинных хрен среди них найдешь —
Разложить успели либералы
Трудовую нашу молодежь.

Сея в ней безверие и скепсис
Довели до гибельной черты,
Всюду только поколение пепси,
Поколение кваса, где же ты?

.....
Ой вы, ладо, гусли-перегуды,
Ой ты, мати люба, трын-трава,
Как же сказ свой продолжать я буду,
Коли в горле застреют слова.

Коли застит взор слеза горяча,
Коли дыбом волоса торчат,
Коли гибель чую неминучу,
Двух безвинных, двух безгрешных чад.

Поднимался над Москвой-рекою
В непроглядном мареве восход,
А на площадь Красную рекою
Тек и тек со всех концов народ.

Со Щипка, Солянки, Якиманки
В реку ту вливались ручейки,
Опустели офисы и банки,
Замерли безжизненно станки.

Все слои, сословия и касты
Были там представлены сполна —
ИТР, студенты, педерасты
И княжна персидская одна.

Масса площадь заполняла густо,
Не умея сдерживать напор,
Пёр народ с Васильевского спуска,
Пёр с Никольской, и с Манежной пёр.

И на башню Спасскую глаза,
Пропустить боясь к началу знак,
Праздные галдели ротозеи,
Скопище бессмысленных зевак.

Но внезапно охнула столица,
Словно разом испустила дух, —
Это в черных стрельчатых бойницах
Выросли фигуры этих двух.

Встали над толпой — к спине спиною,
Не склонивши гордой головы,
Ангельской сияя белизною
Юные спасители Москвы.

Активисты из движенья «Наши»,
Первые в учебе и труде,
Тюрин Саша и Гунько Наташа
Свой заслон поставили беде.

Два героя путинской закваски,
Два птенца сурковского гнезда,
В пустоту шагнули без опаски
Вот, что значит школа, господа!

Нет, не зря они на Селигере
Целых две недели провели,
Удалось поймать им в полной мере
Притяженье матери-земли.

Приземлились по программе точно,
Верен их расчет, похоже, был,
И тотчас живительный источник
Из брусчатки в месте том забил.

...Тридцать долгих лет с тех пор минуло,
Тридцать долгих и счастливых лет,
Как от нас в бессмертие шагнул он —
Этот юный слаженный дуэт.

Над столицей солнце золотится,
В парках и садах щебечут птицы,
Даль прозрачна, ясен небосклон,
И людская очередь толпится
Длинной благодарной вереницей
В двух героев юных пантеон.

2007

* * *

Человек я закрытого типа,
Маскирующий сущность свою,
Существую неброско и тихо,
В ресторанах посуду не бью.

Не трудясь на общественной ниве,
Промышляя на частных полях,
Я с рождения в любом коллективе
На четвертых и пятых ролях.

Сексуален, по отзывам, в меру
(тут поправка на длительный стаж),
Но при этом, заметьте, гетеро,
Что сегодня почти эпатаж.

По ночам, имитируя тягу
К демонстрации снов наяву,
Покрываю словами бумагу
И к утру с наслаждением рву.

Родом я из советских плебеев,
Неизбывных в труде и в бою.
Есть сосед у меня Конобеев,
Я с ним водку по пятницам пью.

Над собой не имеючи крыши,
От судьбы снисхожденья не жду,
Из народа, как некогда вышел,
Так с тех пор все иду и иду.

2007

**РОССИЯ.
ЗИМНЯЯ СКАЗКА**

Было холодно и жутко,
На дворе мороз трещал,
Шел по улице малютка,
Он замерз и обнищал.

Лишь пальтишко немудрено
Согревало чудом плоть,
А «Растишку» от «Данона»
Не послал ему Господь.

Спят родители в могиле,
Благодатным вечным сном,
Все вокруг о нем забыли,
О несчастном и больном.

Но недаром говорится,
Что в Рождественскую ночь
Может всякое случиться,
Если скепсис превозмочь.

...Вдруг в ночи блеснули фары,
И роскошный лимузин,
Прижимаясь к тротуару,
Рядом с ним затормозил.

Словно чудное виденье,
Вышним светом осиян,
Восседал там на сиденье
Повелитель россиян.

— Ну-ка, подойди, парнишка, —
Он сурово приказал,
И задрав мальцу пальтишко,
Весь пупок облобызал.

И стакан смирновской водки
Враз наполнив до краев,
В глотку влил его сиротке,
Низших жителю слоев.

И, поверьте правдорубу —
Уж рубить, так до конца,
Сбросив с плеч соболью шубу,
Завернул в нее мальчика.

И умчалась в ночь машина,
И рассеялся гипноз,
И пропал во тьме мужчина
В белом венчике из роз.

Рад поздравить с Новым годом
Население страны,
Этим славным эпизодом
Вдохновляться мы должны.

Можно жизнью насладиться
И покончить с нищетой,
Если вовремя родиться
В нужном месте сиротой.

2007

* * *

За окном белым-бело,
Бабу лепят дети,
До чего ж остоебло
Быть за все в ответе.

Вот уж скоро десять лет,
Как в режиме строгом
Я за вас держу ответ,
Люди, перед Богом.

Покосился силуэт
Мой под тяжкой ношей,
Хорошо, что я поэт,
Плохо, что хороший.

Если б я поэт плохой,
Предположим, был бы,
То на все махнул рукой
И на всех забил бы.

На бездомных и сирот,
На больных и старых,
Загорал бы круглый год
Типа на Канарах,

Или в Думе бы сейчас
Протирал штаны я

И в гробу видал бы вас,
Граждане родные.

Словом, был в большой цене,
Впрочем, как и делом,
Но, боюсь, не светит мне
Щеголять здесь в белом.

И, похоже, суждено
Мне до дней скончанья
С вами вместе жрать говно,
Братья россияне.

2007

HAPPY BIRTHDAY, БАБА ЛИЗА!

Ваше Величество, мои, как говорится,
восторги Вам!

Вам я сегодня славу, как говорится, пою,
Уважаемая Елизавета, свет, как говорится,
Георгиевна,
Нарру, как говорится, birthday тебе to you.

Елизавета Георгиевна, голубка ты моя сизая,
Простая английская женщина, бабка,
жена и мать,

Позволь называть тебя попросту — бабой
Лизою,

А ты, если хочешь, Гариком можешь меня
называть.

Надеюсь, дерзость моя твоего недовольства
не вызовет,

А хоть бы даже и вызвала, важность невелика,
И пусть у себя на Родине ты для
подданных — Queen Elizabeth,

Но я у себя на Родине еще проживаю пока.

Известно мне о проблемах в твоём
королевском семействе,

Слышал по радиоточке, внучек твой
горазд бузить,

Но кой-какие проблемы и у меня имеются,
Хоть в день такой не хотелось бы ими
тебя грузить.

В этой жизни с хорошим плохого намешано
поровну,
Друг за дружкою ходят радость по ней и беда...
Так что хвост пистолетом держи,
Лизавета Егоровна,
Все еще образуется, какие наши года!

2008

НА ГРАФСКИХ РАЗВАЛИНАХ

Готическая баллада

Есть в графском парке черный пруд...
Юрий Ряшенцев

Теряя голову и обувь на ходу,
Поочередно все с себя срывая,
Графиня с изменившимся лицом бежит
к пруду,
Суицидальных планов не скрывая.

Не различить ее бессвязных фраз,
Обрывки их едва доносит ветер,
С ней так случается, примерно, восемь раз
В году, когда она за разум не в ответе.

С крыльца за нею наблюдает старый граф,
Из «Сильвы» про себя мотив мурлыча,
Давно супруги опостылел графу нрав,
К тому ж он сноб и не любитель кича.

«Хотя и нервный выдался денек, —
Он думает, — но все пока идет недурно».
Меж тем графиня, вдруг споткнувшись
о пенек,
На землю падает и там рыдает бурно.

«И в этот раз, похоже, недолет, —
Бормочет граф, скривившись от досады, —
Ужель опять ее Господь не заберет
В свои чертоги, полные прохлады?»

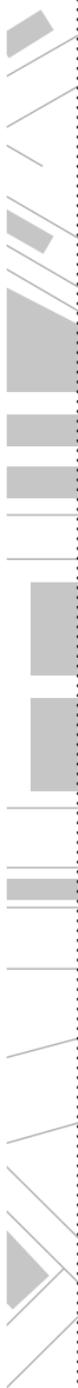
Любовный пыл во мне давно уже ослаб,
Нет прежней силы в признаках первичных,
Меня мутит и от простых-то, если честно, баб,
Так что уж говорить про истеричных...»

Но тут с земли графиня, отрыдав,
Встает и к дому направляет шаг неверный,
Где с каменным лицом ее встречает молча
граф,
Кляня в душе свой жребий непомерный.

Счастливым без пяти минут вдовец,
Лишь в двух шагах он был от доли лучшей,
Но нерушимый двух союз сердец
Разрушить помешал несчастный случай.

Когда бы не проклятый тот пенек,
Что так некстати на пути попался,
Как был бы граф теперь прекрасно одинок,
Как скорби он вольготно б предавался.

...Уж минул век с поры далекой той,
Покоится их прах под сенью пиний,

Лежат они под тяжкою плитой,
Плющом кладбищенским картинно обвитой, —
Несчастный граф с неистовой графиней.

Но, как и прежде, восемь раз в году,
Сорвавшись с места, словно по тревоге,
Графиня с изменившимся лицом бежит
к пруду,
Срывая с криком саван по дороге.

2008

* * *

Великая загадка Леонардо,
Что разгадать так долго не могли,
Волнует ежедневно миллиарды,
А то и больше, жителей Земли.

Искусствоведы в беспрестанных спорах,
В бурлении научного ума,
Гипотез перебрали целый ворох,
Порою экзотических весьма.

Смешно об этом и подумать нынче,
Но кое-кто ведь утверждал всерьез,
Что именно свое тогда да Винчи
На холст изображение нанес.

Не надо даже быть искусствоведом —
Взгляните на его автопортрет,
Где он изображен суровым дедом,
Практически уже на склоне лет.

Что общего в нем с дамой молодой —
Еще не мертвом, но уже больном —
С окладистой седой бородою,
Уж я не говорю об остальном.

Но кто тогда же Лиза эта Мона,
Чей рейтинг столь невиданно возрос?

Не раз вопрос я задавал законно
И получил ответ на свой вопрос.

Свой путь земной пройдя до середины,
Точней сказать, почти что до конца,
Прознал тут я про Лизу Герардини,
Супругу флорентийского купца.

Ничем не выделялся сей мужчина
В кругу своих зачуханных коллег.
Купчина он и есть себе купчина,
Торговый заурядный человек.

Жил неприметно, благонаравно, тихо,
Копил к дукату бережно дукат,
А по ночам ласкал свою купчиху
Под стрекот элегический цикад.

Нехитрое изведав наслажденье,
Он засыпал с улыбкой на лице.
Великая эпоха Возрожденья
Никак не отражалась на купце.

Услужливая память вдруг зачем-то
Достала из неведомых глубин,
Каким-то чудом, термин «кватроченто»,
Что чужд певцу березок и рябин.

...Так и текли супружества их годы,
Такою дольче вита их была,

Она вязала, он считал доходы,
Обычные семейные дела...

Ни страшных тайн, ни ярких преступлений
Не числилось за мирною четой,
Что в Лизе привлекло да Винчи гений,
Вопрос, как говорится, непростой.

Зачем он оголил бедняге плечи?
Зачем скрестил ей руки на груди?*

Таких купчих у нас в Замоскворечье
В базарный день, буквально, пруд пруди.

Что нам до пресловутой той Джоконды,
Когда, прошу пардон за низкий слог,
У нас забиты Третьяковки фонды
Таким добром под самый потолок.

Не зря ведь флорентийскому московский
Купчихи тип давно сказал: «утрись!»
Его восславил Константин Маковский,
Его воспел Кустодиев Борис.

Милей нам бледной Лизы анемичной,
С ее ухмылкой вечною кривой,

* Черты матроны автором забыты,
Мне жалок он в дремучей темноте,
Поскольку плечи Лизины закрыты,
А руки скрещены на животе (Прим. ред.).

Землячек образ сызмальства привычный —
Румяный, полнокровный и живой.

Их не согнули испытаний бури,
И трудности не взяли на излом,
...А эта пусть себе как дура в Лувре
Висит за бронированным стеклом.

2008

ПЕСЕНКА О СУДЬБЕ

Подражание Новелле Матвеевой

Одежка моя порвалась, белье износилось,
В квартире разруха и грязь, на улице сырость.
Лежит неоплаченный счет два года за воду,
Из крана она не течет в любую погоду.

Ох, вот ведь какая судьба,
нах, удивительно злая судьба,
ох, вот ведь какая судьба, нах,
поразительно злая судьба.

Такие, видать, времена настали на свете,
Сбежала к соседу жена, и в Африку дети,
И кризис накрыл биржевой, и рушится доллар,
А то, что пока я живой — так это недолго.

Ох, вот ведь какая судьба,
нах, удивительно злая судьба,
ох, вот ведь какая судьба, нах,
исключительно злая судьба.

А впрочем, не буду скрывать, и хуже бывало,
Ведь есть еще стул и кровать, что тоже немало.
Есть пара брезентовых брюк, залатанных

с тыла,

А также имеются крюк, веревка и мыло.

Ох, вот ведь какая судьба,
нах, не такая уж злая судьба,
ох, вот ведь какая судьба, нах,
даже добрая в чем-то судьба.

2008

* * *

Я испытал внезапный шок,
Когда моя жена,
Надев на голову мешок,
Метнулась из окна.

Но, описавши плавный круг
В небесной синеве,
Опять в окно влетела вдруг
С ведром на голове.

Жену я снова видеть рад
В кругу родимых стен,
Хоть поразил меня каскад
Внезапных перемен.

Ну, слава богу, хоть ведро,
А не, допустим, бак,
Ведь мир устроен столь хитро,
Что быть могло и так.

О, как прекрасно, милый друг,
Что ты опять со мной,
Мне слов твоих приятен звук
Немного жестяной.

И славлю я с тех пор судьбу,
Что так ко мне добра,
Едва слышу «бу-бу-бу»
Твое из-под ведра.

2008

* * *

В стране воруют все — и стар и млад,
И в этом смысле я не исключенье,
Воруют без разбора всё подряд —
От танков до овсяного печенья.

Бесхитростное это воровство
Я не спешил бы осуждать сурово,
Поскольку вижу в том свободы торжество
И верный признак естества живого.

И сколько б не боролась с этим власть,
Я в той борьбе участвовать не буду:
Покуда есть в стране чего украсть,
Жива страна моя потуда.

2008

* * *

Забубенные метели
Затянули окоем,
Три полбанки запотели
В морозильнике моем.

По такой лихой погодке
В день ненастный февраля
Что ли выпить, что ли водки
Чисто так, сугреву для.

Как тебя, скажи, родная,
Мне не вмазать поутру,
Чтоб пошла волна хмельная,
Разливаясь по нутру.

Чтоб текло по жилам зелье
Первозданной чистоты
Для сердечного веселья,
Для душевной лепоты.

Для телесного здоровья,
Для потехи половой,
На картофельной основе,
На основе зерновой.

Чудо-водка, тройка-птица,
Растудыть твою кубыть,

Чтоб с утра да не напиться,
Это кем же ж надо быть!

У народа, у элиты,
Да считай — у всей страны,
Лишь тобой глаза залиты,
Лишь тобой сердца полны.

2008

МАРШ НАРКОКОНТРОЛЕРОВ

Мы боремся с проклятой наркотой,
Источником неисчислимых бед.
Железною контрольною пятой
Раздавим подлой гадине хребет.

На всю страну победный марш звучит,
И ширится великий наш почин.
Пусть кто-то от наркотика торчит —
Мы от борьбы с наркотиком торчим.

Припев:

Наркоконтроль — вперед, приказ нам дан!
Наркоконтроль — сдавайся, наркоман!
Наркоконтроль — раскрой свой чемодан!
Наркоконтроль — и выверни карман!

Мы доведем работу до конца,
И нам помогут в этом небеса,
До самого последнего шприца,
До самого кривого колеса.

Нам служба эта что родная мать.
Призвание с честью мы несем свое.
Задача наша — людям кайф ломать,
И мы клянемся выполнить ее.

2008

* * *

Между телом и душой
Промежуток небольшой,
И поди там разбери —
Что снаружи, что внутри.

Если душу не вложить,
Человек не станет жить,
Но без тела и душа
Не протянет ни шиша.

Это ж не хухры-мухры.
Мандарин без кожуры,
Уж на что он корнеплод,
Даже дня не проживет.

...Славный свой закончив путь,
Человек прилег соснуть
Нездоровым вечным сном,
Но уже не два в одном.

Он лежит себе в гробу
С белой тряпочкой на лбу,
А внутри там — ни души.
В общем, оба хороши.

2008

* * *

Вчера ключи я потерял
От дачи, между прочим,
Для прозы, вроде, матерьял,
А для стихов — не очень.

Здесь не хватает глубины
Переживаний личных,
Что так, порой, в стихах нужны
Хоть сколь-нибудь приличных.

Когда б ключи посеял Блок,
Совсем другое дело,
Он так бы разрыдаться смог,
Что вся бы Русь взгудела.

Он так о казусе бы том
Поведал неказистом,
Что десять лет потом гуртом
Стрелялись гимназисты.

И Евтушенко б гроыхнул
Гражданственной лирой,
Да так, что грозный этот гул
Заполнил бы полмира.

Чтобы тиранов разом страх
Сковал неударжимый,

Чтоб обратились в пух и прах
Прогнившие режимы.

Но я не тот и не другой,
Я весь какой-то третий,
И правдой вдохновясь нагой,
Слагаю строки эти.

При свете трепетном свечи,
Неистов и всклокочен...

P.S.

Пока слагал, нашлись ключи,
Но поздно — труд окончен.

2008

* * *

Достиг я высшей вертикали власти
И только притулился меж ветвей,
Как слышу трубный глас: «А ну-ка слазьте
Отсюда, гражданин, да поживей.

Пока вам по шеям не натолкали,
Пока не надавали по ушам,
Валите срочно с нашей вертикали
Туда, к своим чумазым корешам.

Мы, как могли, убогим помогали
И облегчали быт широких масс,
Но вертикаль мы эту воздвигали
И укрепляли вовсе не для вас.

На ней своим-то не хватает места,
Она и так-то гнется и скрипит,
И вы нам, говоря открытым текстом,
Своим тут видом портите весь вид.

Мы вам готовы пенсию прибавить,
Готовы плату сократить за газ,
Но просим по возможности избавить
Нас от себя буквально сей же час».

Тут грянул гром, и молния сверкнула,
И почернели разом небеса,

И задрожала вся земля от гула,
И все живое спряталось в леса.

И с вертикали я червивым плодом
Сорвался вниз в пожухлую траву,
И снова я живу с моим народом.
За что, не знаю, но пока живу.

2008

* * *

Не дарите писателям книжки,
Им их некуда ставить и так,
Неликвидные эти излишки
Порождают тотальный бардак.

Механизм тот давно изучили,
В нем секрета особого нет —
Вы свой сборник собрату всучили,
Он роман вам подсунул в ответ.

Для того ли заветную лиру
Муза нежная выдала нам,
Чтобы утлую нашу квартиру
Забивал необузданный хлам?

Сколько книжек писателю надо?
Три-четыре, ну максимум — пять,
Но зачем же из них баррикады —
Да и против кого — воздвигать?

Подарить бы их скорбному дому,
Осчастливить подшефный колхоз,
Чтобы каждый селянин по тому
В свою сирую избу принес.

Есть же где-то такие колхозы,
Есть же скорби такие дома,

Где навалом поклонников прозы
И стихов обожателей тьма.

Чтоб порочному этому кругу
Разомкнуться однажды навек,
Не дарите друг друга друг другу —
Пожалейте несчастных коллег!

2008

* * *

Писатель редко умывается,
Он волосат и бородат,
Во что попало одевается
И с раннего утра поддат.

Славянофил он или западник,
Прозаик он или поэт —
Его легко узнать по запаху,
А вкуса там и близко нет.

2008

ПОСЛАНИЕ К ОРЛУШЕ

Такое, сука, впечатленье,
Что кроме собственной жены
Мои бессмертные творенья
Всем прочим на фиг не нужны.

Возможно, что оно и ложно,
Ведь был же, был я на коне,
Но как-то зябко и тревожно
От дикой этой мысли мне.

Ловя читателя за фалды,
В ответ я слышу лишь одно:
«Вконец, мужик, нас всех достал ты,
Причем, заметь, уже давно.

Давай-ка дуй себе отсюда,
Вали под сень своих дубрав»,
И как я спорить с этим буду,
Когда во всем читатель прав.

Чего ему я лезу в душу?
Он заковал ее в броню,
Дроча на модного Орлушу —
Охальника и парвеню.

Орлуша, если те не знают,
Кого колбасит от Басё,

У нас за Пушкина канают,
Теперь Орлуша наше всё.

Его считая моветоном,
Признать я вынужден, что он
Читаем офисным планктоном,
Хоть сам и близко не планктон.

Поймал свою, паршивец, ноту,
Мажоров разом покорив,
Но эти жуткие длинноты!
Но эта вялость скудных рифм!

Орлов, Орлов, невольник сети
Или, что правильней, — сети,
Прости мне инвективы эти,
Но замечания учти.

Не доверяйся медным трубам,
Крепи с простым народом связь,
Сегодня ты тусишь по клубам
И с олигархами вась-вась,

А завтра разом рухнешь наземь
И древний подтвердишь девиз:
«Чем выше наверх мы залазим,
Тем нам больше падать вниз».

Поэт, как ни крути, не груша,
Хотя и тот еще он фрукт,

Так что, пари орлом, Орлуша,
Пока удачлив ты и крут.

Держи за хвост свою жар-птицу,
Но помни, кем ты был вчера
И знай — учиться и учиться
Пора тебе, мой друг, пора.

Пора б и мне поставить точку
И плавно выйти на финал,
Покуда ты свою заточку
Мне в бок по-свойски не вогнал.

А в завершение открою
Я тайну страшную одну —
Тебя читаючи, порою
Нет-нет, глядишь, да всхочотну.

2008

* * *

На землю опустился мрак —
Всего живого враг,
Уснуло всё, лишь я, дурак,
Всё не засну никак

Ни на спине, ни на боку,
Ни тазом к потолку.
Лежу и за строкой строку
Все тку, и тку, и тку.

Кому, на кой оно мое
Дурацкое тканье?
У всех свое житье-бытье,
И в час ночной спанье.

Когда-то было мне дано
Писать смешным-смешно,
Но было это так давно,
Что вспомнить-то смешно.

Теперь же я о море слез
Задумался всерьез,
Пустив возок свой под откос
С турусов и колес.

Когда страданий жизнь полна,
Когда пуста казна,

Гражданской лирики цена
Высокой быть должна.

Когда бесстыжие верхи
Вершат свои грехи,
Какие тут ха-ха, хи-хи,
Помада и духи.

А значит, должен быть поэт
Певцом народных бед,
Чтоб не упал со склона лет
Его авторитет.

Ища в них пищу для ума,
Напишет он тома,
Поскольку бед на свете тьма,
Что радует весьма.

2008

* * *

Со скоростью добра и света
(120 км/час)
Плывут по воздуху поэты,
Сияньем ангельским лучась.

Верлен, Волошин, Маяковский,
Есенин, Пригов, Луговской,
Искренко, Элиот, Тарковский,
Над суетой плывут мирской.

Маршрут их тайный мне не ведом,
С земли его не распознать,
Но я бегу за ними следом
И не могу никак догнать.

Смешной в своем нелепом беге,
Земного притяженья раб,
— Куда вы, — я кричу, — коллеги?
Но голос мой с рожденья слаб.

С рожденья потонул он в хоре
Других, что ярче и сильней,
Я с этой участью не спорю,
Поскольку прочно свыкся с ней —

Кому-то в лавке оставаться,
Кому-то рваться в синеву.

А что касается оваций,
То как-нибудь переживу.

Я лишний в той крылатой стае —
Он не Пегас, мой конь в пальто,
Пусть высоко он не летает,
Но быстро бегаёт зато.

2008

* * *

*В Петербурге арестован
на 15 суток велосипедист,
который в майские праздники
катался голым по Дворцовой
площади вокруг
Александровской колонны.*

Кабы был бы я моложе,
Да сложен бы хорошо,
Я б на велике бы тоже
Прокатился голышом.

Прокатился бы, не зная
Ни заботы, ни труда,
У сограждан вызывая
Чувство легкого стыда.

Нажимая на педали,
Я в седле бы привставал,
Чтобы все меня видали,
Чтобы каждый узнавал.

Осуждаем женским полом,
Восхищая пол мужской,
Я б промчался в виде голом
Вдоль по улице Тверской.

При моем высоком классе
И неслыханной красе
На правительственной трассе
Мне бы рады были все.

И отдавши дань моменту,
Оказавшись у Кремля,
Помахал бы президенту,
Не снимая рук с руля.

Улыбнулся бы Медведев:
Ну Иртеньев, ну нахал,
А потом решил — пусть едет
И в ответ мне помахал.

2008

* * *

Такой стоит период времени
Сегодня на дворе у нас,
Что получить трубой по темени
Свободно можешь ты на раз.

Однако рано делать выводы
По поводу текущих дней —
Бывали разные периоды
В стране измученной моей.

Бывали трудности с питанием
И перегибы на местах,
Но мы, назло всем испытаниям,
Бесстрашно трахались в кустах.

И в том была своя позиция,
И вызов власти был прямой,
Не зря советская милиция
Грозилась смельчакам тюрьмой.

Когда от прессинга сурового
Уже, казалось, не вздохнуть,
Цинизма элемент здорового
Нам освещал тернистый путь.

Совок своею красной харищей
Нас взять пытался на испуг,

Но шли мы — группю товарищей
Бок о бок с группю подруг.

...Так что хочу я посоветовать
Тебе, читатель этих строк:
На время зря не стоит сетовать,
Оно приходит в нужный срок.

Свое, отдельное для каждого,
Поскольку время — не трамвай,
А ты живи себе и заживо
Его, будь добр, проживай.

2008

* * *

Кого-то, может, он чарует —
Зелено-белый тот парад,
Когда ирландцы маршируют.
А я так вовсе и не рад.

Ирландцы — славные ребята,
Вруны, пьянчуги, драчуны,
Но почему вдруг по Арбату
Маршировать они должны?

Чем круче нашего Николы,
К примеру, Патрик их святой?
Не по душе мне те приколы,
Скажу со всею прямоюй.

Нашелся кто-нибудь хотя бы,
Кто б объяснил наверняка,
Чем так уж лучше эти пабы
Родного с детства пивняка.

Ирландцев бить мне неохота,
Поскольку я и сам еврей,
Но крепнет чувство патриота
В груди униженной моей.

Возможно, чувство это ложно,
Но объясните мне, друзья,
С какого хрена кельтам можно,
А геям, хоть убей, нельзя?

2008

* * *

Сильно раздражает авиация —
Фактор постоянного вреда,
От его присутствия деваться я,
Не могу буквально никуда.

Просыпаюсь в половине третьего,
Рев моторов слыша за версту,
Понимаю — это в Шереметьево
Летчик набирает высоту.

Летчику жалеть не полагается
Тех, кого оставил на земле,
Потому-то дом мой содрогается,
И посуда пляшет на столе.

У него работа интересная,
Хоть порой опасна и трудна,
И забота, в основном, небесная,
От земной оторвана она.

Он пространство бороздит воздушное,
Пользу принося родной стране,
Оттого брезгливо-равнодушное
Отношенье летчика ко мне.

Я избрал работу несерьезную,
Я стишки поносные пишу

И стране в эпоху грандиозную
Пользы никакой не приношу.

Мне бы с Музой только хороводиться,
Лезть бы ей рукою под подол,
Так что обижаться не приходится
На судьбу, глотая валидол.

Тем, кто управляет самолетами,
Чья к штурвалу тянется рука,
Не найти с пустыми рифмоплетами
Общего, как видно, языка.

2008

* * *

Переписать бы карму наново,
Уехать в дальние края
И жить в республике банановой,
Как распоследняя свинья,

Простою жизнью одноклеточной,
Без всяких там полутонов
Под диктатурой опереточной.
Одною парюю штанов

Решить проблему гардеробную
С размаху — раз и навсегда,
В объятых мять мулатку сдобную,
До трех считать не без труда,

Сплотиться с местным населением,
Сдружившись с местной анашой,
Его простым увеселениям
Отдаться с легкой душой,

Принять однажды католичество,
От веры отрешась родной,
Зато слегка подняв количество
Его адептов под луной,

И радости ценить убогие
Без нареканий на судьбу...
И все бананотехнологии
Видать в одном большом гробу.

2008

* * *

Иосиф Сталин лидирует в интернет-голосовании проекта «Имя России», организованного телеканалом «Россия».

Товарищ Сталин, уж полвека с лишним,
Как в мартовских растаяв в облаках,
Отбыли вы на встречу со Всевышним,
На встречу, я бы так сказал, в верхах.

Когда ушли от нас, товарищ Сталин,
Вы в тот — будь он навеки проклят — год,
Не верил я, что ваш исход летален,
Но верил я в грядущий ваш восход.

И вопреки всем росказням Хрущева,
На высочайший несмотря запрет,
В надежде, что воскреснете еще вы,
Я под матрасом прятал ваш портрет.

Товарищ Сталин, были вы в опале
В лихие девяностые года,
Как имя ваше светлое трепали
Иуды либеральные тогда!

Но, власть проклятых демократов сбросив,
Страна моя с коленей поднялась,
И нас благословил святой Иосиф,
И вновь времен восстановилась связь.

Над родиной любимой злые тучи
Развеялись, и горизонт наш чист,
И снова вы, ужасный и могучий,
По праву возглавляете топ-лист.

Товарищ Сталин, вы не горстка праха,
Живой ваш образ в сердце не угас,
И что бы ни случилось — кнут и плаха
Любого слаще пряника для нас.

2008

* * *

По долинам и по взгорьям
Прокатил девятый вал,
С головой накрыл он Горы,
По пути снеся Цхинвал.

Под кампанией победной
Подвели огнем черту,
Отчего же этот медный
Привкус чувствую во рту?

Привкус тошный, привкус мерзкий,
Ненавистный с давних лет,
Вновь с отрыжкой имперской
Сплелся он в один букет.

Вновь врага мы победили,
Как у нас заведено,
Вновь злодею засадили
Аж по самое оно.

Я не праздную победу,
Что они, победы те,
Если больше не приеду
К вам я — Алик и Котэ,

Если больше не услышу
За столом нетрезвый хор,

И за это я на Мишу
Возлагаю свой прибор.

Но во всем необходима
Объективность, оттого
И на Вову вместе с Димой
Возлагаю я его.

По друзьям своим тоскую,
Но в раздумья погружен,
Все не выберу, какую
Мне занять из двух сторон.

Нет вины такой на свете,
Чтоб была на всех одна,
Виноваты те и эти,
Но виновней всех война.

Да и правды нет на свете,
Чтоб была на всех одна,
Правы те и правы эти,
Но правее всех война.

Август 2008

* * *

И эти сочные проклятья,
И это грозное бряцанье,
И эти жаркие объятья,
И это срочное признание.

И эти липовые страсти,
И эти сдвинутые брови,
И этот рык державной пасти,
И эта немота коровья...

Да на каком еще бы поле
Такие расцвели цветы,
Любимые до сладкой боли
И милые до тошноты.

Август 2008

* * *

«Патриотический подъем!» —
Скомандовал режим,
А мы с тобой, дружок, вдвоем
В обнимочку лежим.

Лежим себе, не дуем в ус,
Прильнув к щеке щекой,
О, как прекрасен наш союз,
Как полон наш покой.

Под нами мягкая кровать,
Над нами теплый плед,
И по команде нам вставать,
Как минимум, не след.

Пускай идут себе войной
На весь крещеный мир,
Пускай забрызгают слюной
Вонючий свой эфир.

А нам не страшен серый суд
Военно-полевой,
Чему порукой служит труд
Наш мирно-половой.

Игорь Иртенъев

Привет в ночи нам шлют с тобой
Небесные тела.
Кому — подъем, а нам — отбой,
Такие вот дела.

Август 2008

* * *

Над моей убогой хатой,
В охрененной вышине
Профиль месяца щербатый
Не дает забыться мне.

Хоть и светит, да не греет,
На себя замкнувшись сам,
...Жизнь моя, меж тем, стареет,
Протекает по усам.

Организм пришел в усталость,
Еле дышит через нос,
В нем ресурсов не осталось,
В нем один сплошной износ.

Бедным странником усталым,
Жертвой призрачных химер,
Он лежит под одеялом
В ожиданье крайних мер.

Месяц, месяц, перец ясный,
Ты страдальца пожалей,
На него свой свет напрасный
Сверху попусту не лей.

Безнадежен этот случай,
Объективно говоря,

Не терзай его, не мучай,
Не расходуй силы зря.

Не вонзай потоки игл
В плоть, угасшую давно,
Он свое уже отпрыгал,
А другого не дано.

2008

* * *

Голубь мира и ястреб войны
Над земною поверхностью кружат,
Разным целям по-разному служат,
Меж собою ни в чем не равны.

Злонамеренный ястреб войны
На фашистский похож истребитель —
Мощный клюв, бронированный китель
И стальные в полоску штаны.

На земную нацелившись твердь
Свысока, тренированным глазом,
Он несет разрушение и смерть
Для всего человечества разом.

Голубь мира безгрешен и чист,
В накрахмаленной белой рубашке,
И по жизни большой пацифист,
Даже малой не тронет букашки.

Он по небу летает босой,
Легче легкого, проще простого,
И питается только росой,
В духе позднего графа Толстого.

Голубь мира нам радость несет,
И в делах предвещает удачу,

Он больного от смерти спасет,
Он в тюрьму передаст передачу.

Так и кружат они над землей
Со своею, столь разною, ношей.
Черный ястреб — коварный и злой,
Белый голубь — простой и хороший.

2008

* * *

Вот женщина лежит больная
В объятьях жарких ОРЗ,
Она жена моя родная
На этой жизненной стезе.

Я в жертву ей свою свободу
Принес, не покладая рук,
Мы с ней прошли огонь и воду,
И радость встреч, и боль разлук.

Но годы счастья пролетели,
Крылами легкими шума,
И вот теперь она в постели
Лежит практически плашмя

С температурой тридцать девять,
Как батарея, горяча.
Не знаю, что мне с нею делать,
Пожалуй, вызову врача.

И он решительно направит
К моим дверям свои шаги,
И вновь любимую поставит
На две изящные ноги.

И грудь мою слеза омочит,
С ресниц предательски слетя,

Когда она с постели вскочит
И захочет, как дитя.

Уверен, так оно и будет,
Да что уверен, зуб даю!
Пусть даже скептики осудят
Наивность детскую мою.

Я верю в нашу медицину
С тупым упорством маньяка
И камень свой в нее не кину —
Пускай побеждает пока.

2008

КРЫЛОВ И КВН

Пьеса

Действующие лица:

Крылов, мужчина 52-х лет

КВН-49, телевизор 54-х лет

Клавдия, жена Крылова. На сцене не появляется.

Квартира Крыловых. Хозяин сидит в кресле перед телевизором, на экране которого сплошная рябь. Из ванной доносится шум льющейся воды.

Крылов

Жизнь постоянно дарит нам сюрпризы,
К тому клоню я, что вчера опять,
В который раз, мой гавкнул телевизор.
Чем именно, не будем уточнять.
Хотя и куплен был на распродаже,
Но обошелся дорого он мне
Настолько, что своей законной даже
Я в шубе отказал тогда жене.
Но я на нем остановил свой выбор,
Который быстро сделал в этот раз.
Не знаю, как здесь поступили вы бы,
Да, собственно, и речь здесь не о вас.

Клавдия *(из ванной)*

Ты это с кем беседеешь там, Коля?
В квартире посторонних вроде нет,
Ты что, совсем ополоумел, что ли?
Довел тебя проклятый Интернет.

Крылов

Мне надоели выступленья эти,
Вновь для скандала нужен ей предлог.
Что понимают бабы в Интернете!
Но я продолжу страстный монолог.
Продукт китайский хлипкок, как известно,
О чем любой доложит вам юнец,
Служил он нам недолго и нечестно,
И вот вконец накрылся, наконец.
Теперь мы с ним расстанемся без боли,
Как в море расстаеться корабли,
К тому же где-то там на антресоли,
Скучает бабкин КВН в пыли.

Крылов выходит из комнат, затем возвращается, волоча за собой складную лестницу.

Хотя темно должно быть там как в танке,
И запах как у барсука в норе...
Не навернуться б только со стремянки —
Год високосный все же на дворе.
Газету открываешь спозаранку —
И видишь в рамке траурной портрет.

Клавдия *(из ванной)*

Поставь на место, Николай, стремянку
И прекрати царапать мне паркет.

Крылов забирается на антресоль, через какое-то время, спустившись с телевизором в руках, обращается к нему.

Не скрою, милый, вид твой сердцу горек,
И душу болью наполняет он,
Мой КВН, мой старый бедный Йорик,
Свидетель в бездну канувших времен.
Ты помнишь, как сидели мы когда-то
Вокруг тебя, как линзой ты сверкал.
Как спиртом я пропитанною ватой
Твой корпус полированный ласкал.
Как с твоего уютного экрана
На Трошина похожий Балашов
Нам обещал, что поздно или рано,
Но будем жить мы все тут хорошо.

КВН-49

Давно с тобой не виделись мы, Коля.
Раздался ты, однако, в ширину,
Давай-ка почеломкаемся, что ли,
Как на Руси водилось в старину.
Тебя я помню с зассанных пеленок,
С тобой, считай, полвека я знаком.
Ты был вихрастый тощий постреленок,
А стал пузатым лысым мужиком.

Клавдия *(из ванной)*

А это кто с тобою тут болтает,
Чей это голос слышу я теперь,
Что так легко до слуха долетает
Через неплотно запертую дверь?

КВН-49

Несладко, я гляжу, тебе в неволе,
Непросто в положении твоём,
Но мы не будем отвлекаться, Коля,
И нить повествованья не прервем.
Так вспомним же ту пору золотую
Порывов ярких, радостных надежд.
Как выполняя миссию святую
Воспитывал я темных вас невежд.
Как неуча выдавливать по капле
Еженедельно из тебя тогда
Мне помогли Шнейдеров и Каплер,
Большого интеллекта господа.
Немало утекло в реке водицы,
Но линзой той поклясться я могу,
Что рассказы профессора Капицы
В твоём ещё качаются мозгу.
А помнишь Белку, Николай, со Стрелкой —
Первопроходцев межпланетных трасс —
Что в вашей жизни, суетной и мелкой,
Сравнится с блеском преданных их глаз?

Достает платок, смахивает набежавшую слезу, и шумно высморкавшись, прячет вновь.

Геолога сменил политтехнолог,
А вслед за ним сексолог по пятам,
А фильмы эти, что достали с полок?
Уж лучше бы они лежали там.
Где, где они, те исполины духа?
Куда, куда ты катишься страна?
Вокруг царят порнуха и чернуха,
Что, впрочем, лучше, чем голубизна.

Крылов

Но жив еще пока канал «Культура»,
Последнее прибежище сердец...

КВН-49

Ну, сказанул! Культура нынче — дура,
Сегодня штык в России молодец.
Ничто мне в жизни нынешней не близко,
И хоть обидеть дам я не хочу,
Но Фурцева милее мне, чем Слиска,
Про Валю Матвиенко уж молчу.
Зачем на свет меня извлек ты Божий?
Почто из склепа затхлого достал?
Ужель затем, чтоб депутатов рожи
Тебе, Крылов, показывать я стал?
Кому должны мы поклоняться ныне?
«Данону»? «Хед энд шолдерсу»? «Оби?»
Толстая хоть и косит под графиню,
Но Дуня-Дуней, только поскреби.
Готов совет я дать тебе бесплатно,
А там как хочешь, так и поступай:

Ты лучше-ка поставь меня обратно
И нового болвана покупай.

Крылов

Ну, все сказал? Тогда имеешь право
У тихой речки снова отдохнуть.

Забирается с телевизором на стремянку и запикивает его на антресоль.

Клавдия *(из ванной)*

Ты с кем там, Коля?

Крылов *(с внезапным остервенением)*

Да ни с кем я, Клава,
И хватит жилы из меня тянуть!

Занавес.

2008

* * *

Много в мире всякой дури.
Вот у нас сосед живет,
Он все время нервно курит
И при этом нервно пьет.

И жену колотит нервно
Головою об буфет
Вот такой у нас, примерно,
Впечатлительный сосед.

2008

* * *

Не верю я, что туз пиковый,
Властитель наших дум и грез,
На путь направил тупиковый
Ведомый им же паровоз.

Корить его за это мне ли?
Ведь отправляясь в дальний путь,
Он видел свет в конце туннеля,
Пусть красный — разве в этом суть?

А я на долгом перегоне,
Под перестук веселый шпал,
В чудесном голубом вагоне
Невинным сном младенца спал.

Пушистым теплым одеялом
Накрывшись с буйной головой,
Лежал я путником усталым
На верхней полке боковой.

В моих видениях полночных —
Продукте дремлющих мозгов,
Текли потоки рек молочных
Среди кисельных берегов.

Но одеяло убежало,
И улетела простыня,

Поскольку вдруг угля не стало
В один момент среди бела дня.

Душе настало пробужденье
От долголетней дремоты,
Померкло чудное виденье,
И в прах развеялись мечты

О нескончаемой халяве,
И наступили времена
Невиданной доселе яви,
Которой далеко до сна.

Я никого не упрекаю,
Я вырвал грешный свой язык,
Я к этой яви привыкаю,
Я к ней почти уже привык,

Хотя на вид она говниста,
А запах просто ест глаза,
Но веря в гений машиниста,
Я снова ставлю на туза.

И вновь, как прежде, напеваю
«Наш паровоз, вперед лети».
Авось, да вывезет кривая —
Иного нет у нас пути.

2008

* * *

Ни разу от структур я государственных,
Как, впрочем, и от органов общественных,
Не получал ни грамот благодарственных,
Ни поощрений сколь-нибудь существенных.

Хотя в моем ближайшем окружении
Назвать немало мог бы я товарищей,
Кто преуспел за счет стихосложения,
Небезуспешно в нем себе навар ища.

Они большие средства накопили и
Перевели их в банки заграничные,
Я тут не буду называть фамилии,
Но люди это в основном публичные.

Средь них есть как мужчины, так и женщины.
Что те, что эти равно неприятны мне,
И пусть они наградами увенчаны,
Зато их репутации запятнаны.

При встрече с ними не подам и виду я,
Что мне известна вся их подноготная,
Я в глубине души им не завидую,
Ведь счастлива душа моя вольготная.

А в жизни их, хотя и продолжительной,
Не будет счастья даже самой малости.
И прохожу походкою презрительной
Я мимо них, брезгливой полон жалости.

2008

ОДНОМУ ХУДОЖНИКУ

Чувак на мир глядел набычась,
Тоскливо жизнь его текла,
Вот почему в его «капричос»
Так мало света и тепла.

2008

* * *

Повидав в этой жизни немало,
Дам совет вам на старости лет:
Не ходите в народ, либералы,
Ничего там хорошего нет.

Когда был я чуток помоложе,
То по пьяни сходил в него раз
И огреб в результате по роже
От широких трудящихся масс.

И не так чтоб совсем не по делу,
И не то чтоб без всякой вины,
Но меня это сильно задело,
До души, так сказать, глубины.

Ощутил я на собственной шкуре,
В близрастущих очнувшись кустах,
Факт отсутствия тяги к культуре
В близлежащих народных пластах.

С той поры разошлись наши тропы,
И боюсь, что уже навсегда.
Далеко нам еще до Европы,
Вот что я вам скажу, господа.

Так что лучше, коллеги, тусуйтесь
Вы в своей либеральной среде,
А в народ этот самый не суйтесь,
Чтоб лихой не случиться беде.

2008

Я И СОЛОВЕЙ

Басня

Гуляя как-то летом в роще, я
Взял да и встретил соловья.

— Не стыдно ли, российский славный птах, —
Я спросил, буравя взглядом птицу, —
Отсиживаться тут тебе в кустах,
Когда вокруг бог знает что творится?

Когда коррупция цветет махровым цветом,
День ото дня инфляция растет
И бизнес на себе испытывает гнет.
Хоть раз бы клювом щелкнул ты об этом,
Хоть раз свою бессмысленную трель
Направил в цель
И предложил бы ряд конкретных мер.

— Увы, я слишком сер, —
Промолвил соловей, — и кругозор мой узок
Для столь серьезных умственных нагрузок.
— Ты сер, а я, приятель, сед, —
Что попусту болтать мне с глупой птицей,
Не сблизить, чувствую, гражданских нам
позиций,
Поскольку общего меж ними явно нет.

Так что давай себе тут пой,
В своем пристанище тенистом,
А я пошел домой своей тропой,
Путем опасным, трудным и тернистым.

Мораль: прогнила власть сегодня, и борьба
с ней,
Когда такие власть творит дела,
Не может ограничиваться басней,
Какой бы острой басня ни была.

2008

* * *

То ли старость на подходе,
То ли кризис мировой,
То ли дело тут в погоде,
То ли что-то с головой,

Но куда я ни поеду,
И куда я ни пойду,
Сам с собой всегда беседу
Постоянную веду.

И на суше, и на море,
И на кухне у плиты
Сам с собой о чем-то спорю
Горячо, до хрипоты.

А бывает сам с собою,
Как закончатся слова,
Дохожу до мордобоя,
Закатавши рукава.

А потом себя под руки
Сам в милицию веду
И кричу: «Пустите, суки!»,
Упираясь на ходу.

Так что, если вы когда-то
Где-то встретитесь со мной,
То советую, ребята,
Обойти нас стороной.

2008

* * *

Вчера тут первый раз смотрел я порно.
Талантливо. Хотя и не бесспорно.

2008

* * *

Не страдая от безвестности,
Вдалеке от суеты,
Проживаю в сельской местности,
Полон звонкой пустоты.

Ох, и славно мне зимуется —
Банька, печка, дров запас,
Если что-то и рифмуется,
Забывается тотчас.

Здесь с пейзажами беседы мы
Неторопкие плетем,
Им стихи мои неведомы,
Все без них у них путем.

С обнаглевшею эпохой
Обрубивши все концы,
Запасаются картохой,
В бочке солят огурцы.

А мою литую строфику
На раскурку лишь берут,
Кризис-шмизис — все им по фигу,
Им огниво бы да трут.

И, на жизнь их глядя сирую,
Без особенных примет,

Я почти не рефлексирую
На нехитрый сей предмет.

Иногда лишь ночью длинною,
Запалив впотьмах свечу,
Вдруг почую связь глубинную
И, как заяц, закричу.

2008

* * *

Мне слово нравится «уборная» —
Прямое, честное, суровое,
В нем сила чудится упорная,
Основа чуется здоровая.

И песня слышится народная,
И колесо скрипит тележное,
В нем удадь наша всепогодная,
И даль практически безбрежная,

И доля наша неподъемная,
Слезами горькими политая...
А слово «туалет» заемное,
Твердимое космополитами,

Во мне рождает ощущение,
Что связь с корнями в нем утрачена,
Хотя оно как помещение
Для той же цели предназначено.

Но до чего ж там все безличное,
И бездуховное, и чуждое,
Да и амбре там заграничное
С людскими не совместно нуждами.

Я чувствую себя там скованно,
Мне все там противопоказано.
...Казалось бы, всего лишь слово, но
Как много с ним порою связано.

2008

* * *

Зарницы полыхают грозно,
Тяжелый воздух недвижим.
Бежим, пока еще не поздно,
А нет — тем более бежим.

Уже нет времени на споры —
Понятно все и так давно,
Уже нет времени на сборы,
Вот-вот захлопнется окно.

Бежать, пути не разбирая,
Через сиротские поля,
Пока родная и сырая
Не стала пухом нам земля.

Бежать, детей зажав подмышкой —
Кой черт нас дернул их рожать —
Бежать! — в мозгу сверкает вспышкой,
И кровь пульсирует — бежать!

Смешно надеяться на чудо,
Машины ход неудержим.
Куда угодно, но — отсюда.
Куда незнамо — но бежим.

Пока всем скопом не накрыло
Нас тут — здоровых и калек.
Бежим, покуда эти рыла
Наш не возглавили побег.

2009

* * *

Спокойно, граждане, спокойно,
Я никуда не убежал
И старость встречу здесь достойно,
Простите, коли напужал.

Пока еще есть хлеба кроха
Плюс солнце, воздух и вода,
Не так уж все оно и плохо,
А значит, горе — не беда.

Конечно, кой-какие рыла
Обезобразили пейзаж,
Но так оно от века было,
Чему порукой опыт наш.

А если даже и накроет
Нас пресловутый медный таз,
То кто-то новый мир построит,
Что тоже было как-то раз.

Готов в борьбе за это пасть я,
Поскольку шанс известный есть
Мне на обломках самовластья
Свою фамилию прочесть.

2009

МАРКСИСТСКИЙ ПЕРЕУЛОК

Я. Крейнину

Казалось бы, давно и напрочь позабыто,
А вот, глядишь ты, вдруг и поднялось со дна:
По сонной мостовой процокали копыта
Савраски ломовой и снова тишина.

И выплыли они, в густых лохмотьях тины,
Как бы сказал поэт, из царствия теней,
Как бы добавил он, забытые картины,
Как он бы завершил, давно минувших дней.

Привет тебе, привет, Марксистский переулок,
Привет, дом 3/2, квартира № 6,
Где в мир явился я — нервический придурок,
О чем не разнесли волхвы благую весть.

Привет тебе, мой двор, вместилище порока,
Где вольно расцветал таганский криминал,
Где был изгоем всяк, не отмотавший срока,
Где сам бы Глеб Жеглов едва ли проканал.

Привет тебе, привет, Перов, полярный летчик,
Тот, что бельгийцев спас, кукующих на льду,
Когда бы не пырнул дружка сынок-молодчик,
Носил бы ты, сосед, геройскую звезду.

Привет тебе, привет, Дворянкин дядя Коля,
Привет тебе, привет, балбес его Лимон,
С тобою вместе мы в одной учились школе,
По-братски на двоих деля один гондон.

Привет тебе, привет, Карманов дядя Коля,
Что книжки брал читать у моего отца,
Ты жертвой пал в борьбе за дело алкоголя,
Ты честно заслужил такого вот конца.

Привет тебе, привет, Пантюшин дядя Коля,
Окрестных девок ты недаром был гроза,
И в памяти моей ты будешь жив доколе
Визжит в ушах твоя лихая гормоза.

Привет тебе, привет, Малинин дядя Вася,
Мир праху твоему, неистовый алкаш,
Кто б так еще сумел, по три недели квася,
При этом сохранить завидный авантаж.

Привет тебе, привет, разбитое корыто,
Привет тебе, привет, хромой наш табурет,
Привет тебе, все то, что до поры зарыто,
Но стоит лишь копнуть и вылезет на свет

Собраньем черепков, коллекцией обломков,
Истлевших дочерна, истлевших добела,
Способных вызвать смех товарищей потомков,
Способный вызвать дрожь оконного стекла.

2009

* * *

Восемь месяцев я в дурке пролежал
И, как водится в России с давних пор,
Под матрасом свои денежки держал,
Чтоб никто их по случайности не спер.

Но однажды мне сказал дежурный врач:
«Под матрасом больше денежки не прячь,
Как ты есть мой постоянный пациент,
Так и быть уже, возьму их под процент.

У меня, — сказал, — есть маленький банчок,
Но об этом, понимаешь сам, молчок,
Но про это никогда и никому,
А иначе ни за что я не приму

Ценный вклад на свой волшебный депозит,
И прикрой получше дверь, а то сквозит,
Да придвинь-ка к ней вплотную табурет,
Чтоб никто не разузнал про наш секрет».

И врачу я свои денежки отдал
Потихоньку, чтоб никто не увидал.
Он в платок их аккуратно завернул
И при этом мне лукаво подмигнул.

Не скажу за всех, но лично я теперь
Застрахован от финансовых потерь,

Никакой дефолт не страшен больше мне,
Хоть его и обещают по весне.

Мне инфляция отныне не грозит,
Ведь не зря я на секретный депозит
Положил пятьсот целковых трудовых
Под четыреста процентов годовых.

В заключение посоветовать хочу,
Всем, кто деньги под матрасами хранит,
Моему отдать их быстренько врачу,
Он потом, что непонятно, объяснит.

2009

ПЕСНЬ О НИКИТЕ

Кто говорит, что вороват он,
Кто говорит, что тороват,
Но если в чем и виноват он,
То лишь пред небом виноват.

Ну что ему все эти съезды —
Утехи мелкой мошкары, —
С ним рядом только бог, да звезды,
Да бесконечные миры.

В нем пафос гневный непритворен
И фальши нету ни на грош.
Он просто искренне придворен,
А против генов не попрешь.

Сколь бы ни длилась волокита,
Сколь ни тянулись бы суды,
Я верю — выйдет наш Никита
Сухим, как памперс, из беды.

Потомок легендарных предков,
Птенец двуглавого орла,
Последнюю лохань объедков
Отдаст со щедрого стола.

Уверен, явится он миру,
Как прежде, всех живых живей,

Сжимая грозную секиру
В деснице каменной своей.

И духом дерзостным воспрянет,
И вновь, как в прежние поры,
Нагорной проповедью грянет
По нам с Николиной горы.

2009

* * *

Разнообразен мир животный
Прекрасной родины моей.
В лесу медведь гуляет плотный,
В дубраве свищет соловей.

Карась — посмешище природы
Пересекает водоем,
Змея шипит из-под колоды
О чем-то, видимо, своем,

Комар летит на запах крови,
Но не осудим мы его,
Поскольку кровопийства кроме
Он не умеет ничего.

И полноправным властелином,
Справляя миссию свою,
Я первым в списке этом длинном
Российской фауны стою.

2009

* * *

Опять ко мне толпу дружков
На дачу принесло,
Обидно, правда, что Лужков
Не входит в их число.

Я б дружбой этой дорожил,
Признаюсь не тая,
Но, видимо, не заслужил
Подобной чести я.

Ну, хорошо, пусть не Лужков,
Но он хотя бы мэр,
А почему со мной Сурков
Не дружит, например?

Я слышал, пишет он стихи
Там у себя в Кремле,
Так ведь и я не от сохи
И вырос не в дупле.

Ну не Сурков, так хоть Шойгу
Мне руку бы пожал,
И пригласил к себе в тайгу
Тушить лесной пожар.

Ну не Шойгу, ну Кудрин пусть,
Печальный наш главбух,

Уж я б его развеял грусть,
Увеселил бы дух.

Мы бы пилили б с ним бюджет
Не покладая рук,
Увы, не клеится сюжет —
И Кудрин мне не друг.

Не вышел, значит, рылом я,
Не те ношу штаны,
Раз не идут ко мне в друзья
Крутые пацаны.

Никак в контакт мне не вступить
С реальным дружбаном,
Боюсь, опять придется пить
С каким-нибудь говном.

2009

ОСЕНЬ РЕЗИДЕНТА

Отказал окончательно слух мне,
Стал я зреньем не гожд,
От сортира, бывает, до кухни
Только к ночи дойдешь.

Мысли мозг мой сосут как пиявки,
Извели голоса,
Забываю фамилии, явки...
Как их там... адреса.

Что за женщина рядом со мною?
Почему здесь она?
Представляется вроде женою...
Может, вправду, жена?

Или врет, что, пожалуй, скорее,
Кто их, баб, разберет...
Привязать бы ее к батарее...
Ну а что как не врет?

А мужик тот, который с ней рядом
И мне смутно знаком,
Все сверлит меня сумрачным взглядом,
Да грозит кулаком.

Мы с ним вроде встречались когда-то...
Только где и когда?

Перепутались лица и даты,
Имена, города...

Вспомнил, виделись мы под Ташкентом
У Покровских ворот...
Я тогда был его резидентом
Или наоборот?

...А вода всю дорогу из крана
Льет, зараза, и льет,
И шуршат в голове тараканы
День и ночь напролет.

2009

О БЕДНОМ СЕРЖАНТЕ

Хочу воспеть сержанта Глухова,
Как обуял бунтарства дух его,
Как о присяге позабыв,
Он воплотил мечту народную
И жизнь избрал себе свободную,
На подневольной болт забив.

Хоть сам неважным был служакою,
Но не решился бы, однако, я,
Мешало что-то бы внутри,
Отринув ветхие иллюзии,
Пуститься вскачь по холмам Грузии
Быстрее лани раза в три.

Я бы пустой давился кашею,
Но вряд ли с родиною нашею
Концы так просто обрубил,
Терзали бы меня сомнения,
Но так ли, эдак, тем не менее,
Свои б два года отрубил.

А он, не тратя время попусту,
Решил по-дружески да попросту,
Причем не будучи знаком,
Забыв о правилах приличия
И знаков не споров различия,
Податься к Мише напрямиком.

Скажите мне, друзья тбилисские,
Навек душе поэта близкие,
Хотя и льют на вас дерьмо,
На кой сдалось вам это чучело?
Вас жизнь и без того замучила,
Вам своего хватает чмо.

Но, тем не менее, попробую
К вам обратиться с низкой просьбою —
Нам беглеца не выдавать,
Какой ни будь он мошкой жалкою,
Но дома ждет его со скалкою
Суровая Отчизна-мать.

Хотя лицо его прыщавое
Не больно вяжется с державою,
На страже коей он стоял,
Но ведь Господь сержанта Глухова,
Такого бедного и глупого,
Зачем-то все же изваял.

2009

* * *

Жил, был, любил, боролся и страдал,
По морде пару раз кому-то дал,
И сам при этом получал не раз,
Душою вольной рвался на Кавказ,
Надеясь смерть от пули там найти,
Но не нашел, а где-то к тридцати
Открылся в нем внезапный интерес
К плетению рифмованных словес.
И стало ясно — вот она, стезя.
Сперва по ней он двигался, скользя,
Но чувство равновесия спасло,
И он освоил это ремесло,
Непыльное вполне на трезвый взгляд,
Пусть и не всем доступное подряд,
В котором, насобачившись слегка,
Ты вскоре достигаешь потолка.

И тут-то начинается беда.
Вот потолок, а дальше-то куда?
Как там сказал один: «Вот в чем вопрос»,
Допустим, ты до потолка дорос,
А там уж все черным-черно от мух.
Но этого ль дерзал свободный дух?
И начинает мысль тебя терзать:
Не проще ль с этим делом завязать?
На кой тебе оно сдалось ляд?
Но ты уже вкусил тот сладкий яд
С неповторимым привкусом греха.

Уже твои полны им потроха,
Уже поздняк метаться, старичок.
Но раздается в голове щелчок,
Как будто тумблер кто-то повернул,
И возникает этот странный гул
Каких-то там невидимых турбин
Из темноты неведомых глубин.
Короче, что-то типа Братской ГЭС,
А это значит, что пошел процесс.

И снова пальцы просятся к перу,
Как ты к жене когда-то поутру.

2009

* * *

Народ дешевой водкой травится,
И я тревожусь за него,
Хотя мне тоже водка нравится,
И даже более того.

Но я придерживаюсь мнения,
Что в состоянии любой
Из многих стадий опьянения
Должны мы властвовать собой.

Чем бегать с топором за тещею,
Крича ей вслед: «Урою, блядь!»,
Не лучше ли весенней рощею
Под ручку с нею погулять.

Вот я собой, к примеру, властвую,
Да так, что любо посмотреть,
И до сих пор живу и здравствую,
Хоть мог давно бы помереть.

А кто не может контролировать
Себя, напившись до чертей,
Тех надо строго изолировать,
Включая женщин и детей.

И там, по месту заключения —
Взять ту же, скажем, Колыму, —

Успешно подвергать лечению
Тех, кто подвержены ему.

А тех, кто нет, — стерилизацию
По полной схеме провести.
А как еще, скажите, нацию
От вымирания спасти?

2009

* * *

На смену веселым годам процветанья
Унылые годы понуро бредут,
Тяжелые ждут нас, друзья, испытанья,
Но мы не сдадим наш последний редут.

Тотем наш двуглавый, овеванный славой,
Железных пока не лишился когтей,
Не мы ли великой зовемся державой?
Не нами ли в мире пугают детей?

Не наше ли поле — от края до края?
Не наши ли горы — до самых небес?
Не наша ли пухом земля нам сырая?
Не нам ли подвластен партеногенез?

Не наша ли мама, что мыла ту раму?
Равно как и Саша, что шла по шоссе?
Плевать, что все время под газом с утра мы,
Начхать, что во рту у нас зубы не все.

Мы встанем, как прежде, могучей стеною,
Великие дети великой страны,
И дружно к врагу повернемся спиною,
И гордо при этом приспустим штаны.

Чтоб знал он, к священным границам
приблизься,
И прочим поведал о том племенам,
Что мы отстоим суверенный свой кризис,
По праву от дедов доставшийся нам.

2009

* * *

На стене висит картина,
Холст, обрамленный в багет,
Нарисован там мужчина
Тридцати примерно лет.
(Из раннего.)

На стене висит картина,
Называется «Портрет»,
Нарисован там мужчина,
А мужчины-то и нет.

Он, на белом этом свете
Утомившись от трудов,
Шишел-вышел, канул в нети
Без каких-либо следов.

Незаметно, по-английски,
Как вода, ушел в песок,
Не оставивши записки,
Не черкнувши адресок.

Это ж надо, был — и нету,
Что ж ты, дядя, натворил,
Даже толком сигарету
До конца не докурил.

Объяснил бы нам хотя бы
Ненавязчиво, в проброс,

Виноваты ль деньги, бабы,
Преждевременный износ.

Извела ль тебя кручина,
Подколотная змея,
Или чем иным причина
Продиктована твоя.

Хоть бы знак подал какой нам,
Хоть какой пролил бы свет...
Ладно, хватит о покойном,
Тут живым-то жизни нет.

2009

* * *

Порой, бродя по Интернету,
В такие дебри забредешь,
Откуда выхода уж нету,
А если есть, то хрен найдешь.

И ужас заползает в сердце,
И свет в глазах твоих погас.
Хотя бы крохотная дверца,
Хотя бы самый узкий лаз.

Как жутко в мире том безликом,
Где каждый первый — аноним,
Где всяк, своим прикрывшись ником,
Змеею прячется под ним.

Кричишь «ау!», но нет ответа,
И, утирая липкий пот,
Не понимаешь, кто ты? Где ты?
Который час? Который год?

С отъехавшей беззвучно крыши
Взлетают стаи голубей,
И давишь ты на кнопку мыши,
Но с каждым разом все слабей.

И понимаешь, что отсюда
Возврата нет, но в ЭТОТ МИГ

Предсмертный происходит чудо —
Ты делаешь последний клик

И вырываешься наружу,
И свет глаза тебе слепит,
И снова там ты, где без мужа
Жена который год не спит.

Где дети бегают босые,
Чьи позабыл ты имена,
Где ждет тебя, козла, Россия —
Тобой забытая страна.

Где даль бескрайня, небо сине,
Где дышится привольно всласть.
И ты клянешься, что отныне
Забудешь пагубную страсть.

Хотя при этом твердо знаешь,
Что чем себя ни занимать,
Нельзя забыть ее — она лишь
Навек жена тебе и мать.

Что, проклиная все на свете,
Ты вновь нырнешь в трясину ту,
Покуда в личном кабинете
Есть хоть копейка на счету.

2009

ПОХВАЛА ХОЛОДЦУ

Отрада высохших сердец,
Суровых украшенье буден,
Прими привет мой, холодец,
Иначе выражаясь — студень.

Не я ли, как писалось встарь,
Любимец муз, беспечный бражник,
Тобой закусывал стопарь,
Когда тощал порой бумажник?

Не я тебя ли, весь дрожа
От предвкушения и страсти,
Посредством острого ножа
Кромсал, маньяк жратвы, на части?

Не ты ль, от страха весь трясясь
Буквально до последней жилки,
Со мной в желудочную связь
Вступал стальной посредством вилки?

Прочнее нет на свете уз,
Чем те, что нас с тобой связали
Пусть не в Советский, но союз,
Который развалить едва ли.

Когда безжалостный недуг
Вопьется в плоть мою живую,

Тебя, тебя, о милый друг,
К себе на ложе призову я.

Чтобы в последний этот час
Пред тем, как стать презренным тленом,
Меня накрыл не медный таз,
А — ты и, если можно, с хреном.

2009

* * *

Жена моя все время моется,
Меняет что ни день белье,
Когда же только успокоится
Душа мятежная ее.

С утра посуда вся помытая,
Пылинки не сыскать в доме,
Хотя и не противник быта я,
Но должен быть предел всему.

Мне чистота моя моральная
Ее физической важней,
Машина хороша стиральная,
Но счастье все-таки не в ней.

Да, я ношу футболки потные
И сплю, бывает, что в пальто.
Не все ж поэты чистоплотные,
Так нас и любят не за то.

2009

* * *

Хоть не та уже соображалка
И либидо, в общем, никуда,
Ничего для Алки мне не жалко,
Как в былые юности года.

Я склонюсь над милою женою,
По коровьи тяжело вздохну
И своей могучей стариною,
Может быть, в последний раз тряхну.

Подсобрав последних сил остаток,
Я не поручусь за результат —
Миг любви, возможно, будет краток,
Но, как говорится, чем богат.

И доставив Алке наслажденье,
На покой заслуженный уйду.
Нет, не к сожаленью, день рожденья,
Ты бываешь только раз в году.

2009

* * *

Не одолели мы тевтона,
Сдержать в груди глухого стона
Не в силах автор этих строк.
Напрасно дул я пиво в баре
В патриотическом угаре
И тщетно уповал на рок.

Не помогли нам стены дома.
Голландским шкипером ведома,
Команда главный матч слила,
А все могло бы быть иначе,
Когда бы госпожа удача
Мигнула нам из-за угла.

Да, затоптал нас штайгер Свинский,*
Да, поздно вышедший Торбинский
На редкость вяло отслужил,
И фантастический Аршавин
Свой палец, что всемирно славен,
К губам в тот день не приложил.

Ну, что сказать — не покатило.
Видать упорства не хватило,
А с ним уменя заодно,

* Бастиан Швайнштайгер — полузащитник сборной ФРГ.

Да плюс пеналь не дал Массимо*,
Но все же это не Цусима,
Скорее все ж Бородино.

И будут схватки боевые,
И будут матчи стыковые,
Нас ждут великие бои,
И обещаю вам, славяне —
Еще в Индийском океане
Мы бутсы вымоем свои,

Чтобы обувь их снова гордо,
И заявить вам должен твердо —
Не за горами та пора,
Когда, свои спасая шкуры,
Под стол забьются в баре буры,
Заслышав русское «Ура!».

2009

* Массимо Бузакка — арбитр матча.

* * *

Не знаю, где и как конкретно,
Но мне хотелось, чтобы он
Ко мне подкрался незаметно,
Не потревожив мирный сон.

Перстами легкими умело
Коснулся сомкнутых зениц
И вырвал пожилое тело
Из государственных границ.

Чтобы, заснув на этом свете,
Проснулся я уже на том,
Где люди радостно, как дети,
Друг дружку любят под кустом.

И сквозь приятную прохладу,
Забыв про тяжкие труды,
Гуляют голыми по саду,
Вкушая спелые плоды.

Не ведая томленья духа,
Они иной свой строят мир,
Где им не Путин дует в ухо,
А благодетельный зефир,

В законодательных палатах
Там сплошь апостолы сидят,

Там нет ни бедных, ни богатых,
И все амброзию едят.

Увы, не суждено пока мне
В то место выйти из себя,
Где не разбрасывают камни,
Но собирают их, любя,

Где, выбрав краткое мгновенье,
Господь мое стихотворенье
Прочтет и, прослезясь тайком,
В карман полезет за платком.

2009

* * *

Финляндия! Край тысячи озер,
Приют отныне вольного чухонца,
Продукт горенья северного солнца —
Буквально все в тебе ласкает взор.
Кто побывал в Финляндии хоть раз,
Тот испытал нешуточный экстаз.

Я потому о ней тут речь завел,
Что средь газетных сообщений разных
Вдруг прочитал про милый местный праздник.
Все населенье городов и сел —
Как, согласитесь, трогательно это! —
Справляет День поэзии и лета.

А может, с жиру бесятся они
Подкожного, подумалось мне следом,
И груз забот им в принципе неведом,
А на уме гулянки лишь одни.
Прижать бы их как следует к ногтю,
Ну ладно, ладно, это я шутю.

Простые, извиняюсь, лопари,
И надо же, удумали такое,
Стишки себе читают всей толпою,
Пока я тут горбачусь до зари,
Чтобы от ямба отличить хорей,
Да и покончить с этим поскорей.

И тешиться забавою пустой
В мои лета мне, право, не пристало,
Магического труженик кристалла,
Я не охвачен праздной суетой.
Его структура-дура мне дана,
Чтоб жизни мудрость исчерпать до дна.

А финны, что ж... Пускай себе живут,
Пусть веселятся, пусть стихи читают...
Уж раз они на свете обитают,
То ничего уж не попишешь тут.
Но пусть хоть вспомнят, прочитав мой стих,
Как мы в сороковом пугнули их.

2009

ПОЛТАВА-2

Отныне горд я за державу
Вплоть до скончания веков.
Я видел, как свою «Полтаву»
Читал неистовый Лужков.

Страстей безудержных в накале
Он был прекрасен — мэр Москвы,
Глаза его огнем сверкали,
Клубился пар из головы.

Уже казалось, что бейсболка*
На нем расплавится вот-вот,
От напряженья взмокла холка,
С чела ручьем струился пот.

Почти безумия на грани,
Войдя в пике, впадя в экстаз,
Как воздевал он к небу длани!
Как возвышал громовый глас!

Меня волнение обуяло,
Почудилось внезапно мне,

* По случаю жаркой погоды Юрий Михайлович был в бейсболке, что несколько противоречило его патриотическому пафосу (Прим. авт.).

Что тень Петра за ним стояла,
Верней, скакала на коне.

Что все птенцы гнезда Петрова
И те, кто выпал из гнезда,
На звуки пламенного зова
Сегодня прибыли сюда.

И почему-то кони Клодта
Внезапно оказались тут,
Короче, это было что-то,
Те, кто там был, меня поймут.

И вспомнились слова поэта,
Пускай, другого — не беда:
«Кто хоть однажды видел это,
Тот не забудет никогда».

2009

* * *

Люди призваны рождаться
Главным образом за тем,
Чтобы жизнью наслаждаться
Вне общественных систем.

Чтобы мыслями о Боге
Бодрый скрашивать досуг,
Чтобы тяжкие налоги
Им легко сходили с рук.

Чтоб вкушать плоды земные
Не стесняясь наготы,
Чтоб миры прозреть иные
За покровом суеты.

Но когда я сам родился
И обрел телесный вид,
Очень быстро убедился,
Что не так все обстоит.

Что хорош наш мир не шибко,
Даже менее того,
И системная ошибка
При создании его

Вкралась в высшие расчеты
По конструктора вине,

И напутал в них он что-то,
Не сказав об этом мне.

В том-то вся и жизни драма,
Что какой-то главный гвоздь
В небо он забил не прямо,
Как положено, а вкось.

И картина мировая,
На гвозде на том вися,
Не сказать, чтобы кривая,
Но косая стала вся.

2009

* * *

Мне говорят, что мир прекрасен.
Я с этим в принципе согласен.
И в самом деле он неплох,
Не зря над ним трудился Бог.

Мне говорят, что мир ужасен,
И с этим я почти согласен.
И вправду он не так хорош,
Но вряд ли лучше где найдешь.

Я им не то чтоб недоволен,
Но изменить его не волен.
И чтоб доволен — не скажу,
Я просто по миру хожу.

Сперва туда, потом обратно,
При этом, равновероятно,
То минус в нем найду, то плюс,
Но с выводом не тороплюсь.

Во всем на свете сомневаясь,
Я — что умом, что дурью — маюсь,
Внутри меня свой вечный торг
Ведут унынье и восторг.

Мир, хоть и прост, но сложен очень,
Как и во мне, там днем и ночью

Вступают чистота и грязь
В диалектическую связь.

И я, вSpoенный диаматом,
Порой, разглядывая атом,
В нем вижу, пусть невзрачен он,
И позитрон, и электрон.

2009

* * *

1.

Я не был рядом с Христофором,
Но представляю, как тогда,
Пронзая даль орлиным взором,
Он вел испанские суда

Своей железной силой воли,
Превозмогая волю волн,
Путем неведомым дотолле,
Амбициозных планов полн.

И вдруг вдали увидел берег
В трубы подзорной окуляр,
Какой конкретно из Америк
Он частью был — любой школяр

Ответит без запинки сразу.
Сегодня да, но в тот момент
Внезапно морехода глазу
Открылся некий континент,

Что был хорош собой на диво,
Не говоря уже, что нов,
А заодно и перспектива
Богатства, славы и чинов

Открылась, и в бессмертье двorca
 Пред ним открылась вслед за ней —
 Великим сыном гeнуэзца,
 С еврейских примесью кровей.

Другому не пришло на ум бы
 Всем этим взять и пренебречь,
 Так ведь не все из нас Колумбы,
 О чем здесь, собственно, и речь.

2.

«Допустим, я его открою,
 Тот Новый Свет, — подумал он, —
 Как, скажем, Шлиман, скажем, Трюю
 Отрыл, но есть ли в том резон?

Сюда под знаменем конкисты —
 Прикрытьем низменных страстей —
 Рванут толпой авантюристы
 Всех рангов, видов и мастей.

Почуяв прибыльное дельце,
 Сдержать не в силах алчный зуд,
 Под корень изведя индейцев,
 Несчастных негров завезут,

И заковав рабов в железа,
 Им ад устроят на земле.

Зачем я в эту жопу лезу
На быстроходном корабле?

Уж больно грязно и кроваво
Весь этот выглядит сыр-бор.
Нужна ли мне такая слава? —
Засомневался Христофор. —

3.

Но шепчет мне рассудок здравый,
Что, опасеньям вопреки,
Взойдут на почве той кровавой
Цивилизации ростки.

Не так уж мрачно все и хмуро, —
Продолжил думать Христофор, —
Здесь расцветет литература,
Какой до сих не знали пор.

Где, что ни имя, то громада,
А то и целая гора —
Кортасар, Борхес, Пас, Амаду,
Мистраль, Гильен et cetera.

А взять Пеле и Марадону,
А Роналдиньо и Кака?
Кто знал о них во время оно,
В былые средние века?

4.

Ну, хорошо, литература,
Футбол, опять же, это да,
Но есть еще и диктатура,
Как с нею быть нам, господа?

Тонтон-макуты с Папой Доком
И Стресснер с ними заодно,
Они еще нам выйдут боком,
Что я предчувствовал давно,

И про Трухильо с Пиночетом
Не стоит также забывать.
Так что мне делать с Новым светом?
Открыть его? Не открывать?

А пред испанскую короной
Предстану в виде я каком?
Орлом ли? Щипаной вороной?
Или последним мудаком?»

5.

...Песчаный брег Доминиканы
В тумане перед ним вставал,
Вокруг кружились пеликаны,
Гудел-шумел девятый вал,

И загорелые матросы
Крутили пальцем у виска,
Пока проклятые вопросы
Терзали сердце моряка.

Терпеть не в силах пытку эту,
«Была, — решил он, — не была,
Пожалуй, брошу-ка монету,
Но загадаю на орла».

2009

* * *

Президент России Дмитрий Медведев поручил главе «Альфа-Групп» Михаилу Фридману подготовить анализ мер по выходу экономики страны из кризиса в стадию развития.

Миша Фридман башковит — уж такая нация,
Знает Миша, что почем, где, когда и как.
Не большой его фанат, вынужден признаться, я,
Но кому, как не ему, нынче в руки флаг.

Предоставил президент Мише полномочия,
О которых не мечтал тот в кошмарном сне,
Уважуха и респект Фридману, а прочее
Он уже и без того поимел вполне.

И хотя не все путем, чую, там с анкетой —
У меня как у борзой нюх на этих Миш —
Но готов смириться я с неувязкой этою:
Ведь и сам не из таких я на четверть лишь.

А на три на остальных — аккурат оттудова,
Где начало всех, что есть, кроется начал:
Трое прадедов моих — племени иудова,
Лишь четвертый, вот беда, малость подкачал.

Не от этого ль мое раздолбайство чертово
И привычки, скажем так, вредные мои,

Что пошел я весь в того прадеда четвертого
И, как следствие, не стал гордостью семьи.

Если было б мне дано к тем корням
приблизиться,
Образ жизни приведя в надлежащий вид,
То, глядишь бы, я страну выводил из кризиса,
А не Фридман, сколь бы он ни был башковит.

2009

* * *

Люблю в ночи смотреть я порно,
Особенно в кругу семьи,
Ему все возрасты покорны
И населения слои.

Люблю затейливые позы,
Скрещенье рук, скрещенье ног,
Напрасно ждет уж рифмы «розы»
Читатель этих горьких строк.

Ему я порекомендую
Не ждать ее на этот раз,
Ведь речь тут о шипах веду я,
Что не видны порой для глаз.

Нет, не случайно, не спроста я
Завел о них сегодня речь.
В кино работа непростая,
Тут мало просто взять и лечь.

И романтического флера
Работа эта лишена,
Без спецзащиты, без дублера —
Немногим по плечу она.

А вы оргазм сыграть смогли бы
За эти медные гроши,

А то и просто за спасибо,
Да так, чтоб вышло от души?

Так что какие к черту розы,
Когда одни сплошные тут
Кровь, пот и слезы, пот и слезы,
И эта... как ее зовут.

2009

* * *

Власы мои давно седы,
Давно не гнется стан,
Так кто же мне подаст воды
На склоне лет стакан?

Никто его мне не подаст,
Чтоб жажду превозмочь, —
Ни зять, что только жрать горазд,
Ни профурсетка дочь.

Могла б его подать жена,
Ближайшая родня,
Но романы строчит она,
И ей не до меня.

И нет вокруг ни одного,
Призвать к одру кого.
Одна надежда на него —
Димона моего.

Димон — вест-хайленд-уайттерьер
От морды до хвоста.
Его прекрасен экстерьер,
Душа его чиста.

Он для меня на все готов —
И воду подавать,

И по двору гонять котов,
И грелку в ключья рвать,

И сесть при случае в тюрьму,
И даже пасть в бою.

Вот завещаю я кому
Недвижимость свою!

2009

* * *

Когда мы лучший из миров с достоинством
покинем
Под звуки лиры и трубы в предписанный
нам срок,
Таким же белым будет снег, и небо столь
же синим,
И с мест привычных не сойдут ни Запад,
ни Восток.

Пришел Прокоп, кипел укроп в момент
его прихода.
Ушел Прокоп — кипит укроп, хоть и вскипел
вполне.
Но где же нравственный закон и тайная
свобода?
Ужели канули оне кастрюли той на дне?

Как при Прокопе он кипел, так будет
без Прокопа,
Когда того в последний путь благословит
Шопен.
(Вовек не оценить тому изысканного тропа,
Кто в мудрости врата не вхож с названьем
кратким «дзен».)

Нет, не изменится ничто на этом белом свете,
Который, только приглядишь, скорее сер,
чем бел,

И тот, кто раньше был никем, тот будет
в Интернете

Опять никем, какой бы ник он там ни заимел.

Все так же будет род людской неистово и рьяно

Есть, пить, курить, бабло рубить и друг
на дружку лезть,

Хотя и чудится мне здесь какая-то подляна,

Но, видно, зря, поскольку жесьть такая лишь
и есть.

Ничто не будет никогда в порядке том
меняться,

Что спущен некогда нам был с заоблачных
вершин.

Увы, не каждому дано до мысли той подняться,

На ней сам Тютчев проглотил свой фирменный
аршин.

2009

МАТ, VIVAT!

.....
.....
.....
.....

Респект мой лексике obscenной,
Сокровищнице слов бесценной,
Освобожденных от оков,
Откуда черпали горстями
С трудом терпимые властями
Кибиров, Губерман, Барков.

И я, легко признаю это,
Пивал, пивал в былые лета
Не раз из этого ручья,
Да и сейчас, друзья, не скрою,
К источнику сему порою
Нет-нет да припадаю я,

Затем, чтоб на листе бумаги
Следы волшебной этой влаги
Сплести в затейливый узор.
И что б они там ни орали,
Адепты ханжеской морали, —
Смешон и жалок этот хор.

.....
.....
.....
.....

Но вот чего страшусь всегда я:
А что, коль дева, нах, младая,
Затеет вдруг в какой-то миг
С прыщавым пэтэушным пылом
Мутить своим нечистым рылом
Благословенный мой родник?

.....
.....
.....
.....

2010

* * *

А. Наличу

Уж воздуха всего осталось на полвздоха,
Уж мозговой запас повыскребли до дна,
А ты мне говоришь, не так уж все и плохо
И хуже, говоришь, случались времена.

А нынче погляди вокруг, ты говоришь мне,
Глаза свои разуй и убедишься сам,
Как расцвели в саду у дяди Вани вишни,
Как пенсия его рванула к небесам.

А погляди какой кожан на тете Маше,
Он прежнему ее салопу не чета,
Что там ни говори, но жизнь у нас все краше,
И только ты один не видишь ни черта.

Нельзя, ты говоришь, чтоб все и всем, и сразу,
А то, что подошли вплотную к рубежу,
И то, что входим мы в критическую фазу —
Так это, может, ты. Я лично не вхожу.

И мне плевать на то, что врут в твоих газетах,
Они одна другой сегодня стоят все,
Попробовали б пасть разинуть при Советах,
А тут валяй, причем, на первой полосе.

Не знаю, как тебя, меня от этих бредней
Давно уже мутит, а им бы лишь орать,

Короче, Игорек, давай-ка по последней,
И надо б со стола покойничка убрать.

Да, ты, пожалуй, прав, и ссориться не гоже,
С тобой, Андрюха, нам из-за такой херни.
Ну ладно, будь здоров. И ты не кашляй тоже.
Да ну их в жопу всех, кто мы и кто они!

2010

* * *

Приговоренный к низшей мере,
Стремясь к ничтожному нулю,
Я ни во что уже не верю
И никого уж не люблю.

А ведь когда-то было — верил
И даже, помнится, любил,
И в женщин взор свой страстный перил,
И на столе чечетку бил.

Гулял как падла по буфету,
Пуляя пробки в потолок,
Однажды, помню, марафету
Мне Блок в «Собаку» приволок.

И, пьяных слез не вытирая,
Мы в предрассветной сизой мгле
Блаженство испытали рая,
Зизи купая в божоле.

А как мы с Анненским напились,
Хоть он до этого ни-ни,
А как с Ахматовой сцепились
За том потрепанный Парни.

Ну что тут скажешь? Были люди,
Не то что нынешняя шваль.

Я вспоминаю, как о чуде,
О них сквозь черную вуаль.

Где грезфарсы? Где фиакры?
Где песни нежных лорелей?
Одни сплошные симулякры
Толпою прут из всех щелей.

Филологическая перхоть
Сегодня встала у руля.
А ей, чем дискурсами перхать,
Поэтов надо б короля

Избрать, как мы тогда Ерему,*
Который, не гляди, что пьян,
Но сквозь бухую полудрему
Проник в загадку инь и ян.

Пришел к конечному итогу,
Мух обособив от котлет,
И запахнувшись гордо в тогу,
Замолк на долгих двадцать лет.

Постиг он главный принцип дзена
Умом, заточенным как нож:

* В середине 1980-х годов Александр Еременко был избран королем поэтов (Прим. авт.).

«Мысль несказанная бесценна,
Мысль изреченная есть ложь».

Но не питай иллюзий, Саша:
Народ до дзена не дорос.
Им эта по фигу параша,
Им этот по херу мороз.

...Тут заглянул на днях в ОГИ я,
Стремясь найти себе приют,
Так там настолько все другие,
Что даже баб своих не бьют.

2010

* * *

Какая все-таки Вселенная большая!
Второй такой на целом свете нет.
По ней, свой путь нелегкий совершая,
Немало разных движется планет.

Не все они для жизни хороши:
На многих кислорода не хватает.
И оттого, видать, не обитает
На тех планетах ни одной живой души.

Но есть одна, где жизнь бурлит бурля
И на которой обитаем все мы,
Планета с гордым именем Земля —
Крупнейший центр Солнечной системы.

На ней есть все: и лес, и нефть, и газ,
И роддома, и морги, и аптеки.
Кто на Земле бывал хотя бы раз,
Тому ее не позабыть вовеки.

На вид она кругла, как апельсин,
И от арбуза нечто есть в ней тоже.
Земля, Земля, люблю тебя, как сын:
Ведь я тебя значительно моложе.

Готов твой образ в памяти хранить
До самого последнего гектара,
Покуда не прервется жизни нить,
Покуда ты имеешь форму шара.

2010

* * *

Что ты уперся, как баран?
Хорош держать фасон,
Кончай ломаться, Перельман,
Возьми свой миллион.

Страна смеется над тобой,
Нелепый Перельман,
Давай уже труби отбой
И подставляй карман.

Еврей ты или не еврей?
Ответь, в конце концов,
А если да — бери скорей,
И не позорь отцов.

Гудит на кухне древний кран
Очакова времен:
— Не будь кретином, Перельман,
Возьми свой миллион.

Скрипит раздолбанный диван,
Клопов блатной притон:
— Смени меня, о Перельман,
Возьми свой миллион.

Или, гордыней обуян,
Решил ты, что цена
Твоим заслугам, Перельман,
Не больно-то равна?

— Нет, отвечает Перельман,
Тут дело не в цене,
Такой мне свыше гений дан,
Что счастлив я вполне.

Эвклид, Капица, Галилей —
Мне ровня и родня,
Неужто жалких шесть нулей
Награда для меня?

...Задраил наглухо отсек
И снова лег на дно.
Да, Гриша — это человек!
А мы тут все — говно.

2010

ПОХВАЛА БЛИНУ

Нет бренда для отчизны краше,
Чем знаменитый русский блин —
Опора и надежда наша,
Герой преданий и былин.

Его могучую породу
Ничто на свете не проймет,
Мы с ним прошли огонь и воду,
Икру, сметану, масло, мед.

Хотя бывало, что и комом
Вставал он горла поперек,
Его в разлуке с отчим домом
Как память сердца я берег.

Пусть незатейливый, пусть плоский,
Но он мне дорог и такой,
Как елки-палки, как березки
И куст ракиты над рекой.

Он даден нам не для наживы,
А для веселия души,
Покуда жив он — все мы живы,
Помрет — и весла, блин, суши.

2010

* * *

Ты говоришь, что Бога нет.
А кто ж, по-твоему, тогда
Врубил весь этот белый свет
Однажды раз и навсегда?

Кто отделил его от тьмы,
А следом небо от земли,
Да так, что лучшие умы
Руками только развели?

Кто населил его людьми
И тварью разную живой?
Кто обзавел нас, черт возьми,
Взаимной тягой половой?

Ведь, если б не она, тоской
Была бы жизнь полным-полна.
И что тогда бы род людской
С рассвета делал до темна?

Читал бы книжки, скажешь ты,
Но там лишь мертвые слова
И куча всякой мутаты,
От коей пухнет голова.

Отдался б вольному труду?
Искал разгадку бытия?

Поверить в эту ерунду
Младенец может, но не я.

А я лишь в тезисе одном
Не разуверился пока:
Каким бы ни был наш геном,
А заодно и ДНК,

Иной нам доли не стяжать,
Чем та, которая дана,
И род свой надо продолжать,
Пускай и грош ему цена.

Нельзя его нам прерывать,
Насколько он бы ни был плох,
Короче, граждане, в кровать!
И дай вам Бог, и дай вам Бог!

2010

* * *

В своем пристанище убогом
Вблизи от Третьего кольца*
Я часто думаю о многом,
Но очень редко до конца.

Никак спонтанный не могу я
Процесс мышления обуздать,
Где мысль одна сменить другую
Спешит, чтоб третьей место дать,

А та четвертой, но вторая,
Вся раскрасневшись на бегу,
Как бы резвясь и играя,
Вновь объявляется в мозгу.

Там и одной-то место мало,
Не говоря уже про две.
И все, конец, пиши пропало.
А каково тут голове,

Которой думать неохота,
Поскольку дряхла и седа,
И даже плевая работа
Дается ей не без труда?

* Ул. Правды, д. 1/2. Квартира не указана специально
(Прим. авт.).

Мышленье ж — вредная работа,
Испепеляющая ум.
Читал, не помню, у кого-то,
Что cogito, мол, ergo sum.

А я себе так понимаю,
Что просто гнал чувак пургу,
И с тем, что эта связь прямая,
Никак смириться не могу.

2010

* * *

На этом месте какое-то время назад
Был братский союз нерушимых народов,
А остался плохо охраняемый склад
Углеводородов.

Наукой доказано, что народы,
Отбыв свой срок до последнего вздоха,
В итоге превращаются в углеводороды,
Это не хорошо и не плохо.

Это лишь констатация реального факта,
А не победа чего-то с кем-то в борьбе.
И все равно от этого как-то
Не по себе.

Согласитесь, не самая приятная фаза,
Хотя неизбежная, видимо, —
Переход в состояние жидкости или газа
Из состояния мыслящего индивидуума.

Всем предстоит лежать во гробе,
Цикл завершив оборота.
Но, чтоб гнали тебя потом по трубе,
Это уж ни в какие ворота!

Эта мысль постоянно меня занимает,
Заполняя все мое существо.
...Молодежь как-то этого не понимает,
Молодежи как-то не до того.

2010

* * *

Нам не дано предугадать,
Когда, и что, и где взорвется,
И ничего не остается,
Как только ждать, когда опять,
Не дай Бог, что-нибудь взорвется,
И сил уже не остается
Себя надеждой утруждать.

2010

БАЛЛАДА О ДОБРЕ И ЗЛЕ

Я выбор свой меж добром и злом
Сделал в пользу добра,
За что, считаю, почетный диплом
Вручить мне давно пора.

Этот диплом повешу я на
Стенку в красном углу,
Чтобы гордилась мною жена,
Бросившим вызов злу,

В бой неравный вступившим с ним
Открыто, без обиняков
И всем говорила подругам своим:
Мой-то, глядите каков!

Мой-то он, небось, не чета
Вашим — старым козлам,
У них, небось, закваска не та,
Кровь с водой пополам.

А мой — он весь, как шпага прямой,
Да и характером крут,
Так что ступайте к себе домой
И не топчите мне тут.

...А сделай свой выбор я в пользу зла,
Устрой бы меня цена,
Тоже б, наверно, довольна была.
На то она и жена.

2010

* * *

Мы лежали,
Отдыхали,
А они вдруг набежали
И буквально затоптали.

Это как же?
Это что же?
Непонятно сразу даже,
Как возникли эти рожи.

Тили-тили,
Трали-вали,
Все с руками отхватили
И с ногами оторвали.

Что же ж мы-то?
Это ж наше
Было место у корыта,
А теперь вдруг — у парашаи.

Вот те нате,
Снова здрасьте,
А не надобно зевати,
А не время щелкать пастью.

Не успели?
Опоздали?

Значит, снова не при деле
И опять нас нае...

Парам-пам-пам,
Парам-пам-пам.

2010

* * *

Да кто ж такое и помыслить мог!
Да это же когда такое было?
Исландия всего-то с ноготок,
А пол-Европы пеплом завалила.

С колен буквально встала на дыбы,
Не посрамила честь родного флага.
Вот это полный поворот судьбы,
Вот это, доложу вам, братцы, сага.

Все полагали, что вулкан потух,
А он как плюнет раскаленной лавой.
Выходит, жив норманнский гордый дух,
Овеянный заслуженною славой.

Как прежде, он в бою непобедим,
Неукротимый, вольный, богоданный,
А мы тут в Домодедово сидим
И за свои трясемся чемоданы.

Давно уже пора нам слезть с печи
И, что б там закулиса ни орала,
Перековать на острые мечи
Нелепые и ржавые орала.

О Русь моя, ты спящий великан,
Хоть и царевной спящей притворилась.
Когда же он проснется, твой вулкан,
Чтоб медным тазом все кругом накрылось?

2010

* * *

Чтоб не сгинуть в грязи непролазной,
Чтоб не сдохнуть от лютой тоски,
Образ жизни веду буржуазный —
Чищу зубы, меняю носки.

На ночь брюки порою снимаю,
Перед тем как ко сну отойти.
А бывает, и душ принимаю,
Что от века у нас не в чести.

И моим поведением странным
Недоволен окрестный народ,
Почитая меня англоманом
И считая, что я сумасброд.

На него не держу я обиды,
С детства комплекс освоив вины,
Но такие, как я, индивиды
В наше время как воздух нужны.

Хоть и мажут мне дегтем ворота,
И швыряют в окно кирпичи,
Но ведь должен сегодня хоть кто-то
Быть звездой путеводной в ночи.

Чтоб народ без унынья и лени,
Добровольно, отнюдь не силком
На примере моем к гигиене
Потянулся однажды гуськом.

2010

* * *

Сегодня все — от мала до велика —
Мы дружно припадем к телеэкранам
И будем в этот час с тобою, Налич,
И ты уж, парень, нас не подведи.

У нас и так-то радости немного:
Коррупция цветет махровом цветом,
Менты народ на переходах давят,
И рвутся ввысь тарифы ЖКХ.

Но ты не пой им там про это, Петя:
Им это, Петя, все по барабану.
На кой им наши беды и печали,
У них своих-то этой самой ешь.

Ты лучше спой им про веселый ветер,
Про то, как песня жить нам помогает,
Да хоть бы про комбата, про батяню,
По ком в Москве звонят колокола.

Ведь в то, что lost ты, Петя, and forgotten,
С трудом мне как-то верится, признаюсь.
Какой там на фиг lost? Какой forgotten?
Смешно, ей Богу, слышать мне тебя.

Ты разве позабыт и позаброшен?
Да ладно, не пизди своим ребятам.

Кровь с молоком в красавицу-мамашу,
И весь в папашу редкий жизнелюб.

Они сегодня у меня на даче
В кругу друзей веселых соберутся,
Чтобы отметить с легким опозданием
День славного рожденья моего.

Друзья меня подарками осыпят,
Не слишком, к сожаленью, дорогими,
Они ведь, в основном, пенсионеры —
Из олигархов только мы с женой.

Но если в Христиании далекой
Под звук фанфар взойдешь на пьедестал ты,
То это лучшим будет мне подарком,
Как, впрочем, и согражданам моим.

Которые, за малым исключением —
Процентов восемь, но никак не боле,
Как раз и есть те самые forgotten,
Не говоря уже про то, что lost.

2010

* * *

Облачность на небе нулевая,
Вдаль бежит тропинка полевая,
По которой в день свой выходной
Я иду родимую сторонкой,
И лаская слух мой песней звонкой,
Жаворонок вьется надо мной.

Жаворонок, он же жаворо́нок —
Неизбежный бич родных сторонок,
Конкурент извечный соловья,
Никуда мне от тебя не деться,
Как же мне в печенки вьелась с детства
Песня пресловутая твоя!

Да и ты, тропинка полевая,
Что по-бабьи тонко завывая,
Воспевал по ящику один,
Задолбав руладами своими,
Этот самый...вылетело имя...
Ну, такой, весь из себя, блондин.

А моряк, что едет на побывку...
Каждый раз проходит по загривку
Дрожь, едва услышу те слова.
Этот русский дух в аэрозоли,
Он в ноздрах натер уже мозоли,
Он глаза не выел мне едва.

Что бы мне, уроду, да с народом
В пляс пуститься дружным хороводом,
То-то было б радости тогда,
Вот обзаведусь противогазом
И решу проблему эту разом,
Присоединяйтесь, господа!

2010

* * *

Дней веселый хоровод
Остановится вот-вот.
Что тогда я делать буду?
Где душе найду оплот?

В том же, скажем, райсаду
Вряд ли я его найду:
Фейсконтроль там больно строгий,
И его я не пройду.

Там мужик один сидит,
За входящими следит.
Он у них охранник типа —
Очень с виду уж сердит.

— Эй, — он спросит, — ты куда?
Здесь таких, как ты, орда,
И забудь сюда дорогу
Раз, мужик, и навсегда.

Уходи-ка ты добром,
Или я, не будь Петром,
Так тебя отштукатурю,
Что не описать пером.

Отхерачу от души
До кондиции лапши,

А потом, мужик, хошь в Страсбург,
Хошь Медведеву пиши.

Я от страха обомру,
Но скажу на то Петру,
Что такая перспектива
Мне совсем не по нутру.

Раз такой тут от ворот
Мне дается отворот,
Не сюда мне, значит, надо,
А совсем наоборот.

Потому что, говорят,
Там в огне хоть и горят,
Но мужик на входе добрый
И пускает всех подряд.

2010

* * *

Нет, я не гений, я другой,
Какой — не знаю, но не гений,
И в этой истине нагой
Не может быть, увы, сомнений.

Нет, я не гений, господа,
Чего там напускать туману,
Рембо — тот да, Ван Гог — тот да,
Уж я молчу про Перельмана.

Рабами я не торговал,
Не отсекал со свистом уха,
И взять без спросу интеграл
Мне так и не хватило духа.

Нет, я не гений, я другой,
Прости меня, мой друг читатель,
Не харизматик, не изгой,
Всего лишь мирный обыватель.

Держу всегда себя в руках,
Перед едой их мою с мылом,
Не бью посуду в кабаках.
В салате не ночью рылом.

Пусть не известен я всемирно
И не бог весть какой поэт,
Но лишь вхожу я в Интернет,
Как все встают по стойке «смирно».

2010

* * *

СТРАНА МОЯ ИДЕТ КО ДНУ
СО МНОЮ ЗАОДНО,
А МНЕ ОБИДНО ЗА СТРАНУ
И БОЯЗНО ЗА ДНО.

СОДЕРЖАНИЕ

Показаться может при первом взгляде.....	5
День национального единства... ..	6
На конкурсе Всемирном красоты... ..	8
Баллада об этих двух	10
Человек я закрытого типа... ..	15
Россия. Зимняя сказка	17
За окном белым-бело... ..	20
Happy birthday, баба Лиза!	22
На графских развалинах.	24
Великая загадка Леонардо... ..	27
Песенка о судьбе	31
Я испытал внезапный шок... ..	33
В стране воруют все — и стар, и млад... ..	35
Забубенные метели... ..	36
Марш нарконтролеров	38
Между телом и душой... ..	39
Вчера ключи я потерял... ..	40
Достиг я высшей вертикали власти... ..	42
Не дарите писателям книжки... ..	44
Писатель редко умывается... ..	46
Послание к Орлуше	47
На землю опустился мрак... ..	50
Со скоростью добра и света... ..	52
Кабы был бы я моложе... ..	54
Такой стоит период времени... ..	56
Кого-то, может, он чарует... ..	58
Сильно раздражает авиация... ..	60
Переписать бы карму наново... ..	62
Товарищ Сталин, уж полвека с лишним... ..	64
По долинам и по взгорьям... ..	66
И эти сочные проклятья... ..	68
«Патриотический подъем!»... ..	69

Над моей убогой хатой.....	71
Голубь мира и ястреб войны.....	73
Вот женщина лежит больная.....	75
Крылов и КВН.....	77
Много в мире всякой дури.....	83
Не верю я, что туз пиковый.....	84
Ни разу от структур я государственных.....	86
Одному художнику.....	88
Повидав в этой жизни немало.....	89
Я и соловей.....	91
То ли старость на подходе.....	93
Вчера тут первый раз смотрел я порно.....	95
Не страдая от безвестности.....	96
Мне слово нравится «уборная».....	98
Зарницы полыхают грозно.....	100
Спокойно, граждане, спокойно.....	102
Марксистский переулок.....	103
Восемь месяцев я в дурке пролежал.....	105
Песнь о Никите.....	107
Разнообразен мир животный.....	109
Опять ко мне толпу дружков.....	110
Осень резидента.....	112
О бедном сержанте.....	114
Жил, был, любил, боролся и страдал.....	116
Народ дешевой водкой травится.....	118
На смену веселым годам процветанья.....	120
На стене висит картина.....	122
Порой, бродя по Интернету.....	124
Похвала холодцу.....	126
Жена моя все время моется.....	128
Хоть не та уже соображалка.....	129
Не одолели мы тевтона.....	130
Не знаю, где и как конкретно.....	132
Финляндия! Край тысячи озер.....	134
Полтава-2.....	136

Люди призваны рождаться.....	138
Мне говорят, что мир прекрасен.....	140
Я не был рядом с Христофором.....	142
Миша Фридман башковит – уж такая нация.....	147
Люблю в ночи смотреть я порно.....	149
Волсы мои давно седь.....	151
Когда мы лучший из миров с достоинством покинем.....	153
Mat, vivat!	155
Уж воздуха всего осталось на полвздоха... ..	157
Приговоренный к низшей мере... ..	159
Какая все-таки Вселенная большая... ..	162
Что ты уперся, как баран... ..	164
Похвала блину	166
Ты говоришь, что Бога нет.....	167
В своем пристанище убогом... ..	169
На этом месте какое-то время назад.....	171
Нам не дано предугадать... ..	173
Баллада о добре и зле	174
Мы лежали... ..	176
Да кто ж такое и помыслить мог!... ..	178
Чтоб не сгинуть в грязи непролазной... ..	180
Сегодня все – от мала до велика... ..	182
Облачность на небе нулевая... ..	184
Дней веселый хоровод.. ..	186
Нет, я не гений, я другой... ..	188
СТРАНА МОЯ ИДЕТ КО ДНУ.....	189